

18+

ЕКАТЕРИНА РИЗ
ПРИНЦЕССА
на горшине

Екатерина Риз

Принцесса на горошине.

Не такая, как все

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69206233

ISBN 9785005998880

Аннотация

Марьяна Дегтярева родилась самой настоящей принцессой, в сказочном замке, и воспитывалась папой-королем. Вот только любая сказка заканчивается. Жизнь Марьяны в одночасье изменилась, и оказалось, что остаться одной, пусть и богатой невестой, не так уж и сказочно. Наоборот, страшно и одиноко. Да и нашедшиеся родственники приносят больше неприятностей, чем счастья. И надеяться остаётся только на призрак из прошлого, что неожиданно возвращается в её жизнь. Которого когда-то любила и потеряла.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	36
ГЛАВА 3	66
ГЛАВА 4	94
ГЛАВА 5	124
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Принцесса на горошине

Не такая, как все

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2023

ISBN 978-5-0059-9888-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Жила-была на свете девочка. Настоящая принцесса. Умница и красавица. Папа-король так всегда ей и говорил:

– Ты у меня умница и красавица.

И девочка всегда-всегда своему папе верила. Потому что никогда не сомневалась в его словах.

И было у девочки всё-всё, что она могла пожелать. И огромный дворец, и сад, и красивые платья и украшения. И ещё много-много всего, чему девочка могла радоваться.

Не было у неё только одного. Мамы. Потому что, как и принято в сказках, мама-королева когда-то давно, когда принцесса была совсем маленькая, покинула этот мир, оставив любимого мужа и безумно любимую дочку, одних. Пообещав, что всегда будет рядом, и всегда о них позаботится. Откуда-то сверху, с небес. Присмотрит за своей малышкой, не даст ей совершить какую-нибудь страшную ошибку.

– Но ты тоже должна стараться, – любил приговаривать папа-король своей маленькой девочке, предостерегая от ошибок, – чтобы не расстраивать меня и маму. Должна быть хорошей девочкой.

И принцесса старалась. Очень старалась быть хорошей девочкой, всегда. Не расстраивать папу, не водиться с плохими людьми и не участвовать в сомнительных приключениях.

Всегда старалась. Всегда. Даже тогда, когда стала совсем

взрослой.

А потом принцесса осталась одна...

И оказалось, что расстраивать её больше некого.

Я сделала большой глоток виски из хрустального бокала, и поморщилась, когда крепкий алкоголь обжег горло. В гостиной ещё было многолюдно, я слышала гул негромких голосов, но мне совсем не хотелось выходить к гостям. Или людей, пришедших на поминки, не следует называть гостями?

Понятия не имею, как их следует называть. А ещё понятия не имею, что делать дальше.

Сегодня я похоронила отца. Единственного близкого мне человека. И осталась одна в целом мире.

Конечно, я знала, что этот день неизбежен. Отец был в возрасте, в прошлом году мы отметили его семидесятилетний юбилей, и последние пару лет здоровье его подводило. Я всё это видела, переживала, но даже когда его состояние после второго инфаркта окончательно ухудшилось, верить в то, что он не справится с болезнью, не хотела. Я была достаточно поздним ребенком для отца, родилась, когда ему уже исполнилось сорок два года, и была его единственной дочерью, единственной радостью. Но папа всегда виделся мне крепким, сильным человеком, пышущим здоровьем. И поэтому его ухудшившееся состояние стало для меня настоящим ударом. Мне казалось, что всё произошло молниенос-

но. На моей памяти, ещё совсем недавно, отец возвращался после недельного отсутствия, с охоты или рыбалки с друзьями, горделиво басил на кухне, радуя Шуру подробностями своего отдыха и демонстрируя добычу, которую в нашем доме никто никогда не ел. И вот он уже бледный и вечно уставший, большую часть времени проводящий в своём кабинете или в спальне. А теперь его и вовсе нет.

И как мне дальше жить?

Я ведь понятия не имею, как мне жить без папы.

Кто будет заботиться о нас с Шурой? Кто будет нас поучать, наставлять? Кто будет решать все бытовые вопросы вместе с проблемами?

Наверное, в теории, я сама отлично могу справиться с проблемами. И, вообще, с жизнью и её сюрпризами. В конце концов, мне двадцать восемь лет, я давно взрослая, вот только в своей самостоятельности я не уверена... Всю мою жизнь, сколько я себя помню, за моей спиной был папа. Который решал проблемы и вопросы прежде, чем они в моей голове вообще появлялись. И я, на самом деле, чувствовала себя принцессой. Счастливой, улыбающейся девочкой с огромным бантом на голове.

А теперь я кто?

Я бросила угрюмый взгляд на своё отражение в стекле книжного шкафа. Сидела на широком подоконнике отцовского кабинета, поджав ноги к груди, и пила отцовский дорожный виски. Ему бы это точно не понравилось.

Но папы больше нет. Последние три дня эта мысль меня буквально преследовала. Не давала дышать. Папы больше нет.

Как такое, вообще, может быть?

Дверь кабинета приоткрылась, я голову повернула, увидела, как Шура боком проскальзывает внутрь. На несколько секунд гул голосов в гостиной стал громче, но Шура тут же дверь за собой прикрыла. И я смогла сделать вдох. Под рой чужих, неясных мне слов, у меня остановилось дыхание, стало больно и неприятно.

Шура, или Александра Константиновна, хотя так мы к ней никогда не обращались, сколько я себя помню, служила в нашем доме экономкой. Хотя, по факту, была и няней для меня, и шеф-поваром для моего отца, потому что он обожал Шурины кулинарные способности, и управляющей в нашем большом доме она была. В общем, Шура являлась настоящей домоправительницей, и в правах её никто никогда не ограничивал. Хотя, она, являясь женщиной покладистой, никогда их особо и не отстаивала. Шура всегда была всем довольна, всегда проявляла заботу и участие. Отец говорил, что Шура – душа нашего дома. А отец всегда и во всём был прав.

Шура вошла в кабинет, остановилась, смотрела на меня, после чего печально вздохнула. Прошла к отцовскому письменному столу, смахнула с того по привычке невидимую пыль.

– Не выйдешь к ним? – спросила она.

Я невольно поморщилась.

– Не хочу. Слетелись, как коршуны, – не удержалась я.

– Ну, не все, – всё же воспротивилась она. – Вот, например, Самойлов, они с Александром Гавриловичем столько лет дружили.

– Кто дружил, тот не осудит, – проговорила я. Снова посмотрела за окно. Там накрапывал дождь.

– Ты бы не пила, Марьяна, – мягко намекнула мне Шура. – Живот заболит.

Я не удержалась от усмешки.

– Шура, мне же не пятнадцать.

– Александр Гаврилович всегда так говорил, – улыбнулась она. Присела на краешек кресла. – Помнишь, у тебя выпускной был? Он тогда тебе сказал: «Марьяша, не пей больше двух бокалов шампанского. У тебя заболит живот».

Я даже таким милым и теплым воспоминаниям не нашла в себе сил улыбнуться. Только пробормотала:

– И я не выпила больше двух бокалов.

– Ты всегда была послушной девочкой.

Я таращилась за окно, до боли в глазах. Поднесла к губам тяжёлый бокал и сделала глоток. Обжигающая горечь в горле прогоняла слёзы и рыдания.

Шура принялась разглаживать на коленях форменный фартук. Понятия не имею, для чего она сегодня надела униформу, никогда её не надевала, я даже не знала, что она у неё есть.

– Похороны хорошие были, – зачем-то заметила она. – Торжественные, правильные. С речами. Цветы красивые.

– Красивые, – согласилась я, вспоминая огромные корзины роз и белых калл. А ещё толпу людей, на лица которых я даже не смотрела. Мой отец был видным бизнесменом, его имя было на слуху, он слыл щедрым меценатом и благотворителем. На его похоронах произносили много речей, говорили о том, какая это большая потеря для всех нас – его уход, приносили соболезнования от администрации президента, от различных фондов и организаций. Кого я только не выслушала за этот день, пожалала огромное количество рук и приняла соболезнования, кажется, от сотен человек. Но что всё это значило? Что всё это могло изменить в моей ситуации? Ничего.

Папы больше не было.

И мне... Нам с Шурой нужно было как-то справляться дальше самим. Без его присмотра, советов, решений.

– Марьяша, ты взрослая, – неожиданно заявила Шура. Я не сразу обдумала её слова, а когда обдумала, немного озадачилась. На Шуру посмотрела.

Сказала:

– Я знаю.

Шура продолжала смотреть на меня с печалью.

– Александр Гаврилович так за тебя переживал, так переживал, – принялась причитать она. Затем добавила в голос твердости: – Но я ему говорила, что он вырастил замечатель-

ную девочку. Что ты сильная, что ты смелая, что ты не упадешь.

Я нахмурилась.

– Шура, зачем ты мне это говоришь?

– Чтобы ты знала, – растерялась она. – Чтобы не опускала руки. Ведь надо жить дальше. – Шура с кресла поднялась, подошла ко мне и забрала из моей руки бокал. Неодобрительно добавив: – А не пить отцовский виски.

Бокал я ей отдала, отклонилась назад, прижавшись затылком к прохладной стене. На секунду закрыла глаза. Гул голосов за стеной не давал мне покоя.

– Не хочу к ним идти, – пожаловалась я негромко. – Когда они все уедут?

– Они папу твоего поминают. Нельзя людей выгонять. Неправильно это.

– Я знаю.

Необходимо было собраться с силами. Шура права, мне нельзя показывать свою слабость. Верить в то, что в этот трудный, страшный день в нашем доме собрались исключительно близкие и друзья нашей семьи, было бы крайней степенью наивности. Большинство из присутствующих слетелись сюда словно коршуны, в предчувствии добычи. Теперь все с нетерпением ждут оглашения завещания. Хотя, никто никаких сюрпризов не ожидает, я – единственная наследница, но нужно понимать, кто встанет во главе компании отца. Если честно, меня охватывал озноб при одной мысли о том,

что толкового, честного человека, на которого я, на самом деле, смогу положиться, не найдется. Что отец его не нашел. Он же не мог всерьез думать, что я смогу?..

Я спрыгнула с подоконника, сделала несколько успокаивающих вдохов, а Шуре кивнула. Сказала:

– Я пойду.

Та ободряюще погладила меня по плечу.

– Молодец.

Наверное, мой траурный наряд уже не выглядел так идеально, как утром. Платье где-то помялось, прическа немного растрепалась, идеально натуральный тон помады на губах, померк и растаял. Но, перед тем как выйти в гостиную, я заставила себя гордо вскинуть голову, мысленно сжать зубы, убрать из глаз несчастное выражение, и тогда уже вышла из отцовского кабинета.

– Марьяна, держись. – Меня тут же кто-то схватил за руку, сочувственно её пожал. Какая-то женщина с немыслимо короткой стрижкой, больше похожей на мужскую. Я эту особу знать не знала, была уверена, что впервые вижу. Наверняка, какая-то знакомая отца.

– Спасибо, – чуть слышно проговорила я.

Я осторожно поглядывала по сторонам. Кажется, поминки ещё не заканчивались. Официанты сновали, гости негромко беседовали, некоторые даже посмеивались. А что, жизнь продолжается.

На каминной полке большой портрет отца в траурной

рамке, рядом цветы. Темно-бордовые розы. Всегда ненавидела такие розы.

– Марьяна, – давний друг отца, Григорий Филиппович остановил меня. После короткой заминки обнял. Давно он меня не обнимал, наверное, с тех пор, как мне исполнилось пятнадцать и это стало неудобно. Сегодня я позволила ему это сделать. – Девочка, ты как?

Я отстранилась, посмотрела на Лысовского, растянула губы в дежурной улыбке.

– Держусь, спасибо.

– Тебе надо держаться, надо. – Григорий Филиппович взял меня под руку, отвел чуть в сторону. – Ты же понимаешь, всё самое трудное ещё впереди.

– Что вы имеете в виду?

Лысовский был намного выше меня, и, не смотря на возраст, казался бравым молодцом, высоким и подтянутым. Отец тоже был таким, ещё пару лет назад. Мне казалось, что ещё вчера, а теперь его не стало. Я огляделась по сторонам, будто загнанный в угол зверек. Все эти люди в моем доме, их негромкие перешептывания за моей спиной, меня настораживали и пугали.

– Через несколько дней к тебе приедет адвокат. Необходимо будет обсудить завещание.

– Я знаю.

– А ты знаешь, что в завещании?

Я лишь плечами пожала. Как я уже и говорила, особых

сюрпризов я не ждала. А Лысовскому сказала:

– Нет. Мы с папой это не обсуждали. Но, уверена, что он всё сделал так, как нужно.

– Очень на это надеюсь. Ты не против, если я поприсутствую при оглашении завещания?

Я на Григория Филипповича взглянула. Не знаю, что я пыталась высмотреть, само как-то получилось, и то ли он прочел в моём взгляде какой-то вопрос, или недоверие, потому что снова взял меня за руку.

– Я просто хочу помочь, Марьяна. Но ты ведешь себя правильно. Не спеши никому доверять, даже мне. Ты должна быть начеку в ближайшее время.

У меня из груди вырвался вздох. Я совсем, совсем не ожидала, что в моей спокойной, охраняемой от всех ветров жизни, неожиданно развернется всё так, что всех нужно будет подозревать в корысти. К такому я не была готова.

Но кому-то, хоть кому-то, я должна верить, правда?

– Хорошо, дядя Гриша, – согласилась я.

– Ты стала очень богатой невестой, Марьяна, – проговорил он, с чуть заметной улыбкой. – Нам всем нужно быть осторожными.

– Я не невеста, – проговорила я супротив его словам. Во рту появилась горечь. – Я просто очень богатая женщина.

Кому только нужны эти деньги. Я бы их все отдала за то, чтобы отец был жив и здоров.

Я шла через гостиную, мимо собравшихся на поминки

людей, и все на меня смотрели, провожали взглядами. Это было трудно терпеть. Мне все сочувствовали и сопереживали, даже дикторы выпусков новостей на федеральных каналах. Новость о смерти моего отца обсуждалась уже третий день. Обсуждали его достижения, его работу, заработанное им состояние, но на самом деле всем было интересно, кому всё это достанется. Потому что в меня, как в будущее компании, никто не верил. И правильно, между прочим, делали. Потому что я и сама в себя не верила, и совершенно не понимала, что предпринять в дальнейшем. И так же, как и многие присутствующие сегодня на похоронах отца, ждала оглашения завещания. Не знаю, для чего ждали они, а я ждала в надежде, что часть проблем упадет с моих плеч.

Мне не хотелось ни о чем думать, ни о чем заботиться. Я хотела сесть в уголочке и плакать. Но на данный момент, позволить себе этого не могла.

– Марьяна, примите наши соболезнования.

Я остановилась, будто споткнувшись, посмотрела на женщину, что неожиданно оказалась прямо передо мной. В первый момент я смотрела на неё в полной прострации, потому что снова не представляла, кто передо мной стоит. Потом перевела взгляд на мужчину за её плечом. Нахмурилась, но следом вспомнила о воспитании и коротко поблагодарила.

– Спасибо.

– Ваш отец был чудесным человеком, – продолжила жен-

щина, а я её разглядывала. Миниатюрную фигурку, симпатичное личико, встретила милую улыбку. Поинтересовалась:

– Вы были знакомы?

– Да. – Женщина кивнула, но тут же смутилась, оглянувшись на мужа за своим плечом. Принялась объяснять: – Как сказать знакомы? Мы с Александром Гавриловичем встречались несколько раз на совместных мероприятиях. Вы же знаете, он любил общаться с сотрудниками и их семьями. Он был очень душевным и отзывчивым человеком.

Я уже смотрела не на женщину, а на мужчину за её спиной. Тот тоже на меня смотрел, и взгляд его был... извиняющимся, что ли? Дмитрий Абакумов был управляющим самого крупного по стране филиала компании отца. Талантливый, успешный, подающий с каждым годом всё больше и больше надежд. Дмитрий Алексеевич знал себе цену, выглядел горделиво и вёл себя чуть вальяжно с большинством людей, что встречал. Я прекрасно знала, что одно время отец всерьёз раздумывал о том, чтобы назначить Абакумова своим личным замом, это открыло бы перед Дмитрием Алексеевичем колоссальные перспективы. Но повышения так и не случилось, оно застопорилось, и никто не понимал причины. Абакумова ценили и не раз пытались переманить на другую работу, но он отказывал. До сих пор. Все эти странные решения и непонятные телодвижения неизменно удивляли, всех без исключения, кроме меня.

Я отвела глаза от лица Дмитрия Алексеевича, а его жене

вежливо кивнула.

— Да, мой отец был именно таким. — Мои губы тронула дежурная улыбка. — Спасибо, что пришли проводить его в последний путь. Мы это ценим.

Не знаю, кто это «мы», но я произнесла это с особым официозом, и направилась дальше. У меня не колотилось сердце, не горели щёки, и не щипало уши от стыда или волнения. Я просто ушла. Наконец дошла до стеклянных дверей, толкнула их и вышла в сад. Воздух показался мне прохладным, я сделала глубокий вдох и зажмурилась.

— Я хочу, чтобы все ушли, — проговорила я твердо, когда двери за моей спиной закрылись как бы сами по себе. Я знала, что это не так. Я знала, что, как только я покину гостиную, рядом со мной, точнее, за моей спиной, возникнет Пал Палыч, начальник охраны отца. Он появился в нашем доме лет пятнадцать назад, я была подростком, и с тех пор, кажется, никуда и не отлучался. Так же, как и Шура. Стал неизменной частью этого дома, нашей семьи. Просто всегда был рядом. До смерти отца, был его тенью. Кажется, отныне станет моей.

Кто хотел стать богатой наследницей? Жить во дворце, с прислугой и охраной? Могу вам сказать откровенно, ничего завидного в этой доле нет. Последние три дня у меня чёткое ощущение, что я больше никому в этом мире и не нужна, только домработнице и охраннику. Богатая девочка и две её тени. Даже при мысли об этом становится одиноко до черти-

ков, а я так живу.

– Хочешь, значит, уйдут, – проговорил Рыков басом. Мужчиной он был роста невысокого, но зато комплекции выдающейся, и бас имел завидный, с рокочущими, опасными нотками.

Я сделала несколько шагов в сад, затем обернулась. И у меня неожиданно вырвалось:

– Пал Палыч, не пускай ко мне никого. Я не хочу... Слышать больше не могу всех этих сочувствующих речей.

Рыков внимательно смотрел на меня. Уточнил:

– Никого?

Я сомневалась всего секунду, затем повторила:

– Никого.

Пал Палыч вошёл в дом через те же стеклянные двери, прикрыл их за собой, и я знала, что через них в сад больше никто не выйдет, при всём желании.

Я долго сидела в саду, в беседке. Дождь прекратился, я дышала влажным, наполненным ароматом цветов, воздухом, теребила золотой кулончик на шее, и наблюдала за тем, как разъезжаются гости. Деревья мешали видеть полную картину, но отъезжающие практически один за одним, автомобили, я видела. И мне становилось легче. Легче, легче, до какого-то момента. Люди в доме мне мешали, раздражали своим сочувствием, искренним или нет, я хотела остаться одна, в тишине, а потом... потом мне пришло в голову, что одиночество и тишина – это теперь надолго. Люди разъедутся с по-

хорон по своим домам, по своим жизням, в которых ничего не изменилось, а я останусь в этом огромном доме, не зная, что предпринять, чтобы вернуть хоть крупинку прежнего счастья, прежнего спокойствия. Отлично понимая, что ничего уже не вернуть.

— Выпей. — Когда я вернулась в дом, дождавшись, когда всё окончательно стихнет, и, успев немного замерзнуть на прохладном после дождя ветре, ко мне тут же подошла Шура. Поставила на столик передо мной чашку с горячим чаем. Поставила, вздохнула и присела рядом. Сказала: — Ромашку тебе заварила. Чтобы уснуть спокойно.

В гостиной был замечен беспорядок. Нанятые специально на этот вечер официанты, успели прибрать со столов грязную посуду, но в гостиной, обычно идеально прибранной, чувствовалось совсем недавнее присутствие большого количества людей. Я неспешно обводила взглядом комнату. Конечно же, взгляд сам собой остановился на портрете отца. Сердце болезненно сжалось. Сжалось, и мне тут же захотелось плакать. Это происходило уже третий день. На какие-то минуты, мгновения я отвлекалась, забывала, до сих пор не верила в свою потерю, а потом меня в одну секунду накрывало осознание, и к горлу подступал болезненный комок. Я до сих пор не могла понять, как же мне жить дальше. Без отца. Без человека, который всю жизнь был рядом со мной, каждый день, любил, заботился и оберегал. Несправедливо. Несправедливо оставлять человека одиноким, одного в целом мире.

Словно подслушав мои мысли, Шура сказала:

– И ведь никаких родственников рядом... – Протянула руку, и сжала мою ладонь, в знак поддержки.

Я на домработницу посмотрела, и решила не показывать ей, насколько сильно меня сама эта мысль тревожит. Даже губы в улыбке растянула.

– У меня ты есть. И Пал Палыч.

– Я же не об этом, Марьяна.

У меня вырвался вздох.

– Знаю. – А потом довольно бодро добавила: – У папы двоюродные брат с сестрой есть. Где-то в Краснодаре. Он мне рассказывал. Так что, теоретически, родня у меня есть. У них, наверняка, есть семьи, дети. Мои братья и сестры.

– Ну да, – скептически заметила Шура, – не хватало нам бедных родственников при оглашении завещания.

– Знаешь ли, – решила возмутиться я, – на тебя не угодишь.

Шура махнула на меня рукой.

– Ты знаешь, о чем я говорю. Тебе поддержка нужна, опора. Близкий человек рядом. А не незнакомые люди, которые начнут тянуть из тебя деньги.

Я всё-таки выпила ромашковый чай. А Шуре серьезным тоном сообщила:

– Чего нет, того нет. Будем исходить из реалий сложившихся обстоятельств. – Я с дивана поднялась. – Пойду спать. Завтра меня ждут в главном офисе. На обсуждении ситуа-

ции. – Я дошла до распахнутых в холл дверей, и негромко призналась: – Понятия не имею, что мне делать, Шура.

– А ты возьми с собой Пал Палыча, – неожиданно предложила она.

Я удивилась.

– Зачем?

У Шуры, судя по всему, ответа на этот вопрос не было, и она лишь развела руками.

– Для моральной поддержки.

Замечательный выход из ситуации. Пал Палыч, с его широкими плечами и суровой физиономией. Но спорить я не стала, Шуре сказала:

– Я завтра об этом подумаю. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, дорогая.

Шура смотрела мне в спину печальным взглядом. Я не оборачивалась, но знала, что это так. И от этого её взгляда мне хотелось поскорее скрыться.

Наверное, от накопившегося за последние дни стресса, организм всё же решил за себя побороться, и спала я этой ночью на удивление крепко. Без снов, без пробуждений. А когда проснулась, поняла, что комнату заливают солнечный свет. Я зажмурилась, сладко потянулась, подумала о том, что выспалась, а потом всё вспомнила. И настроение тут же пропало. Даже солнечный день после дождливого, совсем не радовал.

В столовой, куда я спустилась к завтраку, хотя, голода со-

вершенно не чувствовала, бубнил телевизор.

— Финансово-промышленная группа компаний под управлением Александра Дегтярева много лет успешно преумножала свои капиталы. Совет директоров концерна «Астракт», основанного в 2000-м году, ежегодно голосовал за кандидатуру Александра Гавриловича на пост генерального директора. И сейчас всех очень интересует, кто займёт его кабинет, а, самое главное, сможет ли достойно заменить Александра Дегтярёва на его месте. Напоминаем, что этим утром, после открытия Московской биржи, на фоне новостей о смерти отца-основателя, цена акций концерна «Астракт» упала на пять пунктов. И, скорее всего, продолжит падать, в ожидании новостей о появлении кандидата на должность управляющего.

Я недовольно покосилась на экран телевизора, на молодого диктора в модном костюме, который с нейтральным выражением лица рассказывал о том, какие не радужные перспективы маячат впереди у отцовского бизнеса. Все ждали оглашения завещания, ждали назначения нового генерального директора, гадали, оставил ли Александр Дегтярев какие-то прямые указания на случай своей кончины. У меня же клокотало всё внутри, когда я слышала эти досужие разговоры. У меня отец умер, а, кажется, что вся страна обсуждает только стоимость акций компании.

Шура пила какао, Шура обожала какао, и очень внимательно слушала диктора. Вид имела встревоженный. Я обо-

шла обеденный стол, села на своё привычное место, по правую руку от стула, на котором всегда сидел отец. Потянулась за кофейником. Не выдержала и поинтересовалась у домработницы:

– Ты что-то поняла из того, что слышала?

– Поняла, – вздохнула та. На меня посмотрела. – Что дела наши не очень.

Я якобы равнодушно пожала плечами.

– Нормальные у нас дела. Даже если меня вынудят продать свою часть акций, денег хватит на три жизни. А то и больше. Так что...

– Жалко же, Марьяна. Отец всю жизнь на этот бизнес положил. А они захапают, не постесняются. Всё, что смогут, то и захапают. И подсказать тебе некому.

Я усмехнулась и напредила ей:

– А как же Пал Палыч?

Шура махнула на меня рукой.

– Ладно смеяться-то. Я же за тебя переживаю.

Усмехаться я, на самом деле, прекратила. Согласно кивнула.

– Я знаю, Шура. – Решила её немного успокоить: – Не надо тебе обо всё этом думать. Что бы ни случилось с бизнесом, уверена, о нас папа подумал. Какой-нибудь секретный план... Наставление, пункт в завещании... Что-нибудь точно есть.

– Будем надеяться.

Я пила кофе маленькими глотками, время от времени мой взгляд возвращался к пустующему стулу папы-медведя. Прошло всего три дня, а мне ужасно его не хватало.

Наверное, я вздыхала или как-то особо видимо печалилась, потому что Шура, понаблюдав за мной, негромко и как-то осторожно проговорила:

– Дмитрий Алексеевич звонил. Час назад. Интересовался, как ты себя чувствуешь.

Я вновь поднесла к губам чашку с кофе, сделала глоток, и только после этого переспросила:

– Что ты ему сказала?

– Что ты ещё спишь, – удивилась Шура. – Сказала, чтобы не приезжал. Что ты никого не хочешь видеть. Я ведь правильно поступила, Марьяна?

Я спокойно кивнула.

– Правильно.

– Разозлилась на него? – полюбопытствовала она.

Я качнула головой, отрицая.

– Нет. Просто, на самом деле, не хочу никого видеть. Мне надо собраться с мыслями.

– Ну и ладно. – Шура из-за стола поднялась, подошла ко мне, погладила по плечу. – Ты у нас умница. Со всем справишься.

Отвечать я не стала, но про себя лишь понадеялась, что Шура права. Что я умница и непременно со всем справлюсь. Хоть с какой-то частью свалившейся на меня ответственно-

сти.

К одиннадцати меня ждали в главном офисе компании. Там, где отец, по обыкновению, проводил большую часть своего времени. Я же в офисе бывала нечасто, лишь изредка заезжала к отцу, увидеть его или позвать на обед. Даже особо не интересовалась происходящим на трех этажах высотного офисного здания. И только сегодня, выйдя из машины и закинув голову, чтобы посмотреть наверх, на сияющие в солнечных лучах зеркальные стены здания, задумалась о том, что наша компания, на самом деле, процветает, если мы можем позволить себе аренду трех этажей практически в центре столицы. Точнее, процветала. Что будет дальше, никому неизвестно. И от мысли, что я несу ответственность, и за себя, и за многочисленных сотрудников, мне стало не на шутку страшно. Без преувеличения – страшно. Я вдруг почувствовала себя в ловушке.

– Марьяна Александровна, доброе утро. Мы вас с нетерпением ожидаем.

Я заставила себя улыбнуться. Нас с Пал Палычем встречал заместитель отца по руководящей работе, я даже вспомнила, как его зовут. Олег Романович Спесивцев. Примечательная фамилия. Помнится, однажды он встречал меня в аэропорту, когда я возвращалась на каникулы в Москву. Мне было лет семнадцать, Олег Романович тогда едва начал работать на отца, был моложе, имел на голове собственную шевелюру, которую к сегодняшнему дню, на нервной работе,

благополучно растерял.

– Примите мои соболезнования, Марьяна, – проговорил он, глядя мне в глаза.

– Спасибо, – проговорила я, и украдкой кинула взгляд на своё отражение в зеркальной стене рядом с лифтом.

Наверное, выглядела я хорошо. Оделась в соответствии с ситуацией. Строгий костюм чернильного цвета, лаковые туфли на шпильке, строгий черный клатч в руках, а глаза прикрыла темными очками от Dior. Я шла по мраморному холлу офисного здания, и чувствовала, как меня провожают взглядами. Не хотелось думать о том, что меня узнают со стороны незнакомые мне люди, предпочитала думать, что привлекаю внимание тем, что меня окружили пятеро мужчин. Двое из них охрана, включая Пал Палыча, и трое кинулись навстречу, стоило нам появиться в холле, и едва ли не раскланялись передо мной.

– Нас уже ждут в зале заседаний, – сообщили мне.

Я сняла темные очки, невольно нахмурилась и на всякий случай уточнила:

– Кто ждет?

Олег Романович от моего вопроса заметно растерялся.

– Руководящий состав. Все собрались, Марьяна. В сложившихся обстоятельствах... – Спесивцев, кажется, сам растерял слова, замолчал и только развел руками.

Мне пришлось кивнуть и негромко проговорить:

– Я понимаю.

Больше всего меня раздражало чужое внимание. На меня всегда посматривали с любопытством, когда узнавали, чья я дочь, но это было лишь любопытство, порой зависть, но я никогда не чувствовала чужие взгляды, направленные мне в затылок настолько отчётливо. Я шла по офисному коридору, и сотрудники оборачивались мне вслед. А мне хотелось остановиться и проговорить во всеуслышание:

– Не переживайте, я не пришла никого увольнять или лишать зарплаты. Всё останется по-прежнему.

Но так ли это?

У дверей в зал заседаний на семнадцатом этаже, нас поджидал Дмитрий Алексеевич. Я знала, что он будет присутствовать на встрече, но не думала, что он захочет перехватить меня перед началом.

– Марьяна. – Его настойчивый голос заставил меня остановиться. Меня и всю мою свиту. Наличия такого количества свидетелей, Абакумов, суда по всему, не ожидал. Глянул с недовольством и замешательством, после чего произнес, понизив голос: – Можешь уделить мне минуту?

Я сомневалась. Честно, не знала, стоит ли мне разговаривать с ним. Но затем сделала несколько шагов в сторону, к окну, у которого Дмитрий Алексеевич меня до этого момента и поджидал. Абакумов направился следом за мной, но затем оглянулся на Спесивцева. Ворчливо заметил:

– Олег Романович, ты можешь занимать своё место, мы сейчас подойдём.

Он попросту вынудил всех разойтись и оставить нас наедине. Вот только мы замолчали. Я смотрела в окно, почему-то не могла заставить себя поднять глаза на Дмитрия Алексеевича, а он напротив, смотрел на меня со всей внимательностью, и тоже молчал. В какой-то момент я почувствовала, что он осторожно коснулся моей руки. Руку я отвела, а глаз на него так и не подняла.

– Марьяна, – позвал он. Затем поинтересовался: – Ты как?

– Как я? – вырвались у меня удивленные слова. Я всё-таки на него посмотрела. – У меня отец умер, Дима.

Уголки его рта печально опустились.

– Конечно. Глупый вопрос. Просто ты не хотела со мной разговаривать все эти дни.

– Я ни с кем не хотела разговаривать. Мне нужно было побыть одной.

– Это тяжело. Переживать такое горе одной.

Я лишь дернула плечом. Что сказать ему – не знала.

– Марьяна, – снова позвал он. – То, что сейчас будет происходить, я хочу, чтобы ты понимала... На тебя попробуют надавить.

– Надавить? – переспросила я. – Чего они от меня хотят?

– Указать тебе на твоё место. С самого начала. Ты должна быть к этому готова.

У меня вырвалась печальная усмешка.

– Что на меня давить? Мне и без того страшно.

– Я знаю. – Он снова сграбастал мою ладонь, сжал её. Гля-

нул на меня по-особенному. — Девочка моя, я знаю, что тебе страшно, — зашептал он, закрывая меня своей спиной ото всех. А у меня почему-то от его страстного шёпота нервные мурашки по спине поползли. Не знаю почему, но никакого удовольствия, никакого волнения или радости я не почувствовала. Даже то, что Димка сжимал пальцами мою ладонь, и то мне мешало. Никогда со мной такого не случилось раньше. А ещё он так на меня смотрел, с нарочитой настойчивостью, что в какой-то момент мне показалось, что Абакумов вот-вот схватит меня за подбородок и заставит смотреть ему в глаза, будто пытаюсь загипнотизировать. Но делать он этого не стал. Только проговорил почти на ухо мне: — Ты не должна позволять им тобой управлять. Это ты — хозяйка положения. Да и все они лишь наёмные работники. Твои работники, Марьяна. Не позволяй им тобой управлять. — Дмитрий Алексеевич замолчал, а потом неожиданно добавил: — В конце концов, ты должна подумать о нас.

Эти его слова: «должна подумать о нас», меня неожиданно зацепили. Я посмотрела ему в лицо, в глаза, сглотнула. С трудом сглотнула, потому что в горле комом неожиданно встало некое неудовольствие от его речей, от всего происходящего. Я его чувствовала, но говорила себе, что не должна испытывать ничего подобного. В моём понимании это как-то неправильно. Женщина не должна испытывать подобных необъяснимых чувств в отношении мужчины, которого считает своим. В моём понимании, это так.

Я осторожно, но довольно решительно освободила свою руку, отвела глаза в сторону, а затем и отступила от Дмитрия Алексеевича. А ему сказала:

– Пойдём в зал. Нас ждут.

Нас, на самом деле, ждали. Я вошла и оказалась под внимательными взглядами дюжины мужчин, рассеявшихся за большим овальным столом посреди зала заседаний. Я даже не была в этом помещении никогда. Необходимости не было.

При моём появлении негромкие разговоры стихли, все на меня посмотрели. Мне пришлось сделать вдох, прежде чем заговорить.

– Доброе утро, – проговорила я. Голос мой прозвучал странно. Я словно не здоровалась, а объявляла собравшимся, что утро сегодня всё-таки доброе.

Спесивцев, сидевший ближе всего к дверям, вскочил.

– Марьяна Александровна, прошу вас, присаживайтесь. На место вашего отца.

– Это совсем необязательно, – вырвалось у меня.

– Обязательно, – заявил Абакумов из-за моей спины. – Вы – наследница, Марьяна Александровна. Кресло вашего отца – ваше по праву.

Я прошла мимо длинного стола, мимо мужчин, половину из которых я видела впервые в жизни, а с остальными едва была знакома. Устроилась в кресле отца, чувствуя себя очень скованно.

– Марьяна, в первую очередь, хочется ещё раз принести вам соболезнования, – заговорил кто-то.

Я благодарно кивнула.

– Спасибо.

– Это большая потеря. Александр Гаврилович много лет руководил твёрдой рукой.

Я посмотрела на говорившего.

– Хотите сказать, что у меня такой руки нет?

Мужчина хмыкнул.

– Боюсь, что ни у кого из нас такой руки нет. И нам всем вместе необходимо решить, как выходить из трудного положения.

– Нужно устроить голосование, – предложил кто-то. – Назначить несколько соискателей на должность генерального директора, провести голосование Совета директоров.

– И кто будет отбирать кандидатуры?

– Самовыдвижение?

Абакумов усмехнулся.

– Не слишком ли много желающих появится?

– Ты хочешь сузить круг, Дмитрий Алексеевич? – поинтересовался кто-то довольно едко.

Абакумов тут же возмутился.

– Пытаюсь всеми возможными способами облегчить нам всем задачу. И выбор, соответственно.

– Ну-ну.

Я слушала мужскую перепалку, разглядывала собравших-

ся мужчин, и пугала себя тем, что мой мозг с трудом улавливает информацию. Их слова, их взгляды на меня, и друг на друга. Я растерялась, и не знала, как реагировать. Кстати, моей реакции никто и не ждал. Я пришла, я села за стол, и всех устраивало, что я молчу и мало что соображаю в происходящем. Ничего удивительного, что я начала смотреть на Дмитрия Алексеевича, в надежде, что он подаст мне какой-то знак, что говорить, как себя повести. Но Абакумов на меня не смотрел, он был занят, он с головой ушел в спор, отстаивал свои позиции.

– Я думаю, что ещё рано, – сказала я. Мой голос потонул в голосах мужчин, я поняла, что на меня никто не обращает внимания, а мне эти споры очень не нравились. Я резко поднялась, глянула на всех сверху, осознав, что в этот момент мне абсолютно безразлично, кто и что обо мне подумает. Когда я поднялась, на меня всё же посмотрели. И я заставила себя повторить, громче и твёрже. – Я считаю, что ещё рано рассуждать о том, кто займёт кресло отца. И спорить об этом. – Все, наконец, замолчали, я аккуратно выдохнула, надеясь, что моё волнение не так сильно заметно. – Господа, я понимаю, что вас всех тревожит положение вещей. Компания оказалась в трудном положении. Но смею вам напомнить, что моего отца похоронили вчера. И рассуждать о том, кто завтра сядет в его кресло, несколько поспешно. – Я из-за стола вышла, сделала несколько шагов по залу. Мне нужно было куда-то деть свою нервозность. – Через несколько дней

я встречаюсь с адвокатом, будет вскрыто завещание отца. И я собираюсь дождаться этого момента, прежде чем принимать какое-то решение.

– Марьяна Александровна, вы считаете, что ваш отец в завещании указал имя приемника?

Я руками развела.

– Я не знаю. Кстати, вы тоже не можете знать, что он этого не сделал. Поэтому мы выждем это время. Я всегда своему отцу верила, всегда могла на него положиться, и поэтому считаю, что мне есть чего ждать. Я уверена, что папа продумал разные исходы и развитие ситуации. Даже такое, какое... произошло. Так что, – я обвела собравшихся взглядом, – пождём.

– Марьяна, вы собираетесь претендовать на должность? – спросил кто-то.

Я в удивлении моргнула и даже зачем-то уточнила:

– На должность генерального директора огромного промышленного концерна? Думаю, все мы понимаем, что я при всём желании не справлюсь. Меня к этому не готовили.

– У вас лично есть кандидатура, которую вы выставите? Своего представителя?

Абакумов таращился на меня, я чувствовала его взгляд. Наверное, он ждал от меня положительного ответа, и этим ответом должно было быть его имя. Ну, кто, как не он может быть моим доверенным лицом, правда? Дмитрий Алексеевич смотрел на меня, а я не могла заставить себя на него

взглянуть. Потому что у меня не было ответа, которого он от меня ждал.

– Я подумаю об этом, – пообещала я. И твердо закончила: – У меня есть несколько дней на это.

Можно сказать, что встреча Совета директора закончилась ничем. Я поняла лишь одно: каждый присутствующий будет защищать свои интересы, а не мои. И даже не компании, а именно свои. Существование компании отца, на процветание которой он потратил добрую половину своей жизни, сейчас повисло в воздухе. Ещё вчера мы были преуспевающими, а что будет завтра – большой вопрос. И моя персона на отцовском месте лишь побудит некоторых забрать свои деньги и бежать, пока есть, что спасти.

– Пал Палыч, мы уезжаем, – сообщила я, забрав со стола свою сумку. Посмотрела на Спесивцева. – Олег Романович, я думаю, что необходимо перенести собрание. На следующий день после оглашения завещания. Это будет самым правильным решением.

– Если вы так считаете, Марьяна Александровна.

Пал Палыч уже распахивал передо мной дверь зала заседаний. К ней я и устремилась, кивнув на прощание всем присутствующим. Краем глаза я заметила, что Дмитрий Алексеевич шагнул за мной следом, но был остановлен грозной фигурой Рыкова на своём пути. Глянул на него суровым взглядом из-под бровей, Абакумов с шага сбился, немного потерялся, а я тем временем покинула зал и твёрдым шагом на-

правилась по офисному коридору обратно к лифтам. Дорогой ковролин на полу скрадывал стук моих каблуков. Мы с Пал Палычем и молчаливым охранником, вошли в лифт, двери закрылись, и я смогла перевести дыхание. А Рыков проговорил:

– Молодец, девочка. Так им.

ГЛАВА 2

Дмитрий Алексеевич надолго меня без внимания не оставил. Я подозревала, что так и будет. Позвонил мне уже через час, а я, слушая знакомую трель телефона, несколько томительных секунд раздумывала о том, стоит ли мне отвечать на его звонок. Знала, что, скорее всего, ничем хорошим этот разговор не закончится, и мы с Димкой поругаемся. Но он звонил настойчиво, отступать, судя по всему, не собирался, и мне пришлось ответить.

– Марьяна, что происходит? – поинтересовался он с места в карьер.

Я посмотрела за окно автомобиля. За ним была Москва, её высотки, её вывески с громкими названиями и идеально подстриженные кусты вдоль дороги.

– Ничего не происходит, Дима, – ответила я, всеми силами надеясь сохранить спокойствие и нейтралитет.

– У меня такое чувство, что ты не хочешь со мной говорить.

– Я сейчас ни с кем не хочу говорить, – призналась я. – У меня нет на это сил.

– И даже со мной?

По сути, можно было сказать Абакумову правду и поинтересоваться, а чем, собственно, он отличается ото всех остальных? Он такой же посторонний человек рядом

со мной, как и другие. Может, не настолько посторонний, но всё же. Вот только, его ли это вина?

Наверное, я молчала слишком долго и задумчиво, потому что Дима продолжил сам. Позвал меня, тем самым особенным голосом, от которого моё сердце сжималось. Временами.

– Марьяна.

– Что? – вырвалось у меня.

– Пожалуйста, – продолжил он тихим, рокоchущим голосом, – не закрывайся от меня. Я знаю, что тебе сейчас тяжело. Но хотя бы меня не отталкивай.

Я зажмурилась. От его слов и стало тяжело, от напоминания.

– Давай я приеду, и мы обо всём поговорим, – продолжил Дмитрий Алексеевич.

– Куда приедешь? – переспросила я.

– К тебе, – вроде бы удивился он.

Он удивился, и я в первый момент удивилась. А потом вспомнила о том, что теперь ничто не мешает Димке приезжать ко мне домой. Папе наши с ним отношения здорово не нравились, и я пыталась их скрывать, хотя, прекрасно знала, что от папы ничего скрыть невозможно. Но мы все вместе притворялись, что у меня это получается. Но в нашем доме Абакумов никогда не появлялся, мы встречались в городе, на моей квартире, в которой я, по сути, никогда одна и не жила. В доме отца чувствовала себя куда комфортнее.

К одиночеству меня никогда особо не тянуло. А ведь самостоятельная жизнь должна была стать главнейшей фазой моего взросления. А я всё тянула и тянула с переездом, хотя, Дмитрий Алексеевич последний год активно мне на это намекал. Чтобы я съехала из загородного дома отца, и мы, наконец, смогли бы почувствовать себя свободнее.

– Зачем ему твоя свобода? – фыркнул папа, когда однажды разговор о моём возможном переезде в московскую квартиру всё же зашёл. Я тогда ещё набралась смелости, и упомянула в своей речи Димку с его намёками. – Он сам-то, свободен?

Я тогда закатила глаза. Вроде бы в недовольстве, но на самом деле мне стало неловко. Ведь противопоставить словам отца мне было откровенно нечего.

– Папа, – проговорила я с намёком, а отец грозно на меня глянул.

– Что папа? Думаешь, никто не догадывается о том, что между вами происходит? Но что-то я не вижу, чтобы твой Дмитрий Алексеевич делал какие-то шаги в плане серьёзных отношений с тобой.

– Правильно, – вырвалось у меня. – Потому что ты его запугал. Смотришь на него волком каждый раз.

– То есть, раз я ему не рад, он и разводиться не торопится? – нехорошо ухмыльнулся отец. – Не хочет запасной аэродром терять?

Отец был прав. Он был прав, и где-то в глубине души я са-

ма понимала, что Димкино поведение, что в отношении меня, что в отношении его семьи, порядочностью не отличается. Но, наверное, я настолько устала быть одна, устала от того, что меня все упрямо воспринимают маленькой дочкой Александра Дегтярева, несмышлёной и абсолютно неприспособленной к жизни, и мне в какой-то момент очень захотелось чувств, любви, всплеска бурных эмоций. Даже интриг и сериальных страстей. А Абакумов это всё готов был мне преподнести на красивом блюде. А я не отказалась. Ситуация с его женой меня угнетала, я чувствовала себя предательницей, но когда Димка оказывался рядом и принимался нашептывать мне на ухо успокоительные речи, я про совесть забывала. Признаю. Каюсь.

– Так что, я приеду? – снова подал голос Дмитрий Алексеевич. И добавил с легким смешком: – Ужином меня накормишь?

Я представила его в своём доме, как Димка сидит за столом, за которым ещё совсем недавно сидел отец, ужинает, и поняла, что не могу себя пересилить. По крайней мере, не сейчас. И у меня вырвалось:

– Это будет неудобно. Давай встретимся на квартире. Я дождусь тебя там.

Кажется, мой ответ его разочаровал. Я услышала, как Димка вздохнул в трубку, после чего расстроено проговорил:

– Марьяна.

– Я дождусь тебя на квартире, – повторила я. – Закажу

ужин.

Пал Палыч моему решению поехать на квартиру не обрадовался. Даже оглянулся на меня с переднего сидения, глянул неодобрительно.

– Не время сейчас по городу разъезжать, Марьяна.

– Почему? – удивилась я. И тут же усмехнулась. – Боишься, что меня убьют? Как неугодного наследника?

– Типун тебе на язык, – тут же шикнул Рыков. – Но осмотрительность никто не отменял.

Порой он удивлял меня своей суеверностью, честно. Временами они с Шурой на пару начинали на меня шикать, и тут было легче сбежать куда-нибудь, чем пытаться с ними спорить.

– Едем на квартиру, – повторила я настойчиво.

Эту квартиру, в престижном жилом комплексе, отец подарил мне в день, когда мне исполнился двадцать один год. И я, и он знали, что подарок этот не от души. Отец сделал это, потому что пришло время отпускать меня во взрослую, самостоятельную жизнь, но делать этого папе не хотелось. Но, в силу возраста, у меня должно было быть своё жильё, должны были начать появляться свои планы на дальнейшую жизнь, и, как хорошему родителю, ему необходимо было дать мне старт, свой причал, и именно так у меня появилась квартира. Просторная трёшка с дорогим ремонтом, в охраняемом жилом комплексе с подземным гаражом, в которой я никогда не жила. Больше двух-трех дней, по необ-

ходимости.

Я и сама эту квартиру совершенно не воспринимала, как свой дом. Приезжала сюда с чувством, что провожу время в отеле. Меня сюда не тянуло, я не горела желанием съехать из родительского дома, чем отца сильно радовала. И всех всё устраивало.

В квартире я застала домработницу. В квартире никто не жил, но домработница приходила дважды в неделю и чем-то здесь занималась. Чем конкретно, я никогда не интересовалась. Но в квартире всегда было чисто, белье идеально разложено по полкам, чистые полотенца в ванной сложены стопками, а в холодильнике всегда какой-то минимум продуктов.

– Добрый день, – поздоровалась я. Признаться, эту женщину я видела всего пару-тройку раз. Плохо помнила её лицо, а вот она меня знала, заулыбалась. Впрочем, ничего удивительно. Наверное, ей очень нравилась её работа. Необременительная, зато с хорошим окладом. Где ещё такую найти?

– Здравствуйте, Марьяна Александровна. – Потом, по всей видимости, вспомнила о последних новостях, и улыбка на её лице померкла. – Примите мои соболезнования. Так жаль, так жаль.

Я сдержанно кивнула.

– Спасибо. – Я прошла в комнату, положила свою сумку на столик. Сделала глубокий вдох, затем обернулась к домработнице. – Думаю, вы можете идти.

– Я ещё хотела шторы снять, постирать...

– Давайте не сегодня, – попросила я.

– Да, конечно, – засуетилась она, принялась развязывать фартук. Потом обернулась ко мне. – Марьяна Александровна, вас искала девушка.

– Девушка? – переспросила я. Правда, особой заинтересованности не проявила. – Какая девушка?

Женщина пожала плечами.

– Не знаю. Мне охрана утром передала. Говорят, вчера вечером приходила, и сегодня утром тоже. Спрашивает вас. Они её, конечно, не пустили, но она некоторое время стояла у ворот, ждала.

– Наверное, очередная журналистка, – пробормотала я.

– Может быть. Так я пойду?

Я кивнула.

– Идите. До свидания.

Последние дни журналисты всех мастей и изданий обрывали все известные им номера телефонов. Звонили в офис компании, самые дотошные смогли отыскать номера нашего загородного дома, судя по всему, какая-то приткая особа раздобыла адрес моей московской квартиры. Только этого не хватало.

Оставшись одна, я некоторое время стояла у окна, смотрела на открывающийся с пятнадцатого этажа вид на Москву. Обычно он меня завораживал, а вот сегодня я лишь смотрела вдаль с напряжением. Затем вспомнила о том, что обещала

Димке заказать ужин, позвонила в ресторан. Зашла в спальню и переоделась. Делала всё будто на автомате. И время от времени мысленно спрашивала себя: для чего я всё это делаю? Для чего я жду его на квартире, послушно заказываю ужин, если не хочу ни с кем общаться? И с Димкой в том числе?

Абакумов приехал через пару часов, с цветами. Шикарный букет чайных роз, он перешагнул порог квартиры с проникновенной и сожалеющей улыбкой.

– Детка, как ты?

Ненавижу, когда меня называют «деткой». Как в старых, плохих боевиках. Но я промолчала, возражать не стала, позволила себя обнять и поцеловать. Правда, тут же отстранилась, вроде бы отвлекшись на цветы. Даже поблагодарила:

– Спасибо, красивые.

Я вернулась в комнату, поискала глазами вазу.

– Как у тебя настроение? – спросил он, входя следом за мной. Я краем глаза заметила, что Димка снимает пиджак и развязывает галстук.

Я пожала плечами.

– А какое у меня может быть настроение?

– Я знаю. – Он протянул руку, коснулся моего плеча, погладил. – Но, Марьяна, нужно жить дальше. Ты же понимаешь.

– Понимаю, – кивнула я. Я, наконец, пристроила цветы, но как только я это сделала, Дмитрий Алексеевич тут же при-

тянул меня к себе и поцеловал. Я закрыла глаза, сама себя попросила окунуться в его поцелуй, потеряться в нём. Вдруг мне станет легче? На поцелуй я ответила пылко, к Димке прижалась, а затем обхватила его шею руками, прильнула к нему всем телом. Кажется, Дмитрий Алексеевич моему порыву порадовался, даже облегчение почувствовал. Обнял меня в ответ, погладил по спине, и принялся нащёптывать:

– Всё хорошо, всё хорошо. Всё будет хорошо, вот посмотришь.

Он нащёптывал мне это на ухо, а я, продолжая прижиматься к нему с закрытыми глазами, почему-то подумала о том, какую глупость он говорит. Что может быть хорошо, раз вся моя жизнь перевернулась с уходом отца? Но Димка продолжал меня успокаивающе поглаживать по спине, и я молчала. Наверное, своим молчанием я давала ему понять, что согласна с его словами. А мне просто не хотелось ничего говорить, объяснять, тем более спорить с ним.

Я отстранилась, вытерла выступившие слёзы, и примирительным тоном предложила:

– Поужинаем?

Он кивнул.

Ел Дмитрий Алексеевич с аппетитом. Я, глядя на него, понимала, что он, на самом деле, успокоился. Он ел ресторанную, подогретую мной еду, что-то мне рассказывал, отстраненное, и время от времени протягивал руку через стол, накрывал ладонью мою ладонь.

А потом решил завести разговор посерьезнее.

– Я обдумал то, что произошло сегодня на собрании. Ты поступила верно.

Я вроде как непонимающе моргнула.

– Что ты имеешь в виду?

– Что ты отложила принятие какого-либо решения. Это был верный ход. Пусть знают, что решать, в конце концов, будешь ты.

Я осторожно освободила свою руку, чтобы как-то это действие обосновать, взяла бокал вина.

– Это не было никаким ходом, Дима, – проговорила я. – Я просто не знала, что ещё сказать. Мне нужно время.

Он глянул на меня исподлобья. Я уловила в его взгляде настороженность.

– Ты всё-таки ждёшь решения ситуации после открытия завещания?

– Я надеюсь на это, – не стала я скрывать.

Абакумов откинулся на стуле, отложил вилку.

– Глупости, Марьяна. Ты должна сама решить.

– Что я могу решить? – разозлилась я в один момент. – Я никогда ничего не решала, и меня ни к каким решениям не готовили. Тем более к тем, от которых зависит доходность компании и судьбы людей.

– Нужно принимать такие решения с холодной головой.

– А у меня нет холодной головы! – Я в сердцах махнула рукой и залпом выпила остатки вина в бокале.

– Тогда надо слушать знающих людей, – наставительно проговорил Дмитрий Алексеевич.

Я на него посмотрела. Серьёзно так посмотрела, долгим, изучающим взглядом.

– Ты кого-то конкретного имеешь в виду?

– Ты меня обижаешь, Марьяна. – Он отвернулся от меня. А я решила сказать ему правду.

– Я не считаю, что ты справишься с этой должностью, Ди-ма. У тебя недостаточно опыта.

Он смотрел на меня, не моргая, довольно долго. Я знала, что смогла его уязвить, но стыдно мне не было. Наверное, впервые за два года наших с Дмитрием Алексеевичем отношений, я не постеснялась сказать ему правду. Наверное, потому, что эта правда касалась не только меня, но и множества других людей.

– Я не думал, что ты такого обо мне мнения, – проговорил он через некоторое время.

– Моё мнение тут не при чем, – сказала я ему. – Я должна быть уверена, что у человека, который займет место отца, есть для этого способности и опыт. Если это назначение будет зависеть от меня, я подойду к нему со всей ответственностью. Прости.

– Марьяна, я руковожу главным филиалом холдинга!..

– Знаю, – обстоятельно кивнула я. – И я признаю все твои заслуги. Но выдвинуть тебя на должность генерального директора... извини. Не могу.

Секунда, и Абакумов вдруг вскочил из-за стола, а я, признаться, напряглась в первый момент. Его реакция меня удивила. Обычно Дима всегда был сдержан, эмоции свои демонстрировать не спешил, да и не любил, и поэтому то, с каким возмущением он вскочил из-за стола, меня впечатлило. Судя по всему, Дмитрий Алексеевич был уверен в том, что я соглашусь с его мнением, и выдвину его кандидатуру. Потому что никакой другой у меня попросту нет.

Её и не было, этой самой кандидатуры, по крайней мере, у меня, но я всё ещё надеялась, очень надеялась, что мне это трудное решение принимать не придётся. Что папа заранее что-то решил.

Абакумов в пылу чувств выбежал из кухни, я слышала его шаги в комнате, после чего вернулся, остановился в дверях, на меня посмотрел. Я же с места не двигалась. Сидела и цедила вино из бокала, стараясь не встречаться с Димкой взглядом.

– Ты понимаешь, – начал он с пафосом и возмущением, – ты понимаешь, насколько ты усложняешь ситуацию? Свою собственную ситуацию, ты ставишь под вопрос своё мнение в компании!

– Это почему?

– Потому что, Марьяна!.. Потому что сейчас, именно сейчас тот момент, когда ты можешь поставить себя на один уровень с советом директоров! Я не говорю, что ты сможешь быть выше их решений, это попросту невозможно, те-

бе не дадут такого шанса. Для этого у тебя слишком мало опыта.

Я кивнула.

– Я знаю. И я не собиралась им противостоять.

– Но сейчас ты можешь отстаивать своё мнение, показать им, что ты чего-то стоишь.

Я едва заметно усмехнулась. В бокал. Надеюсь, что он не заметил моей ухмылки.

– Мне лестно, что ты хоть какие-то способности во мне видишь.

– Я вижу. Я вижу, – повторил Абакумов высокопарно. – В отличие от тебя. Я единственный человек, Марьяна, который может отстоять твоё мнение, твои интересы в правлении. Они же, как стая гиен. Как только ты дашь им возможность задвинуть тебя в дальний угол, они тут же это сделают. Неужели ты этого не понимаешь?

– Понимаю, – согласилась я.

– Тогда зачем ты это делаешь?

Я на Дмитрия Алексеевича посмотрела.

– Потому что я не имею права думать только о себе. Я должна исходить из интересов компании.

– А я, значит, действую не в интересах компании? – нехорошо ухмыльнулся Абакумов.

Я вздохнула, мне не хотелось спорить с ним, тем более ругаться, но уступить я не могла.

– Я не уверена, что ты справишься, – повторила я.

Димка сплюнул с досады. А затем заявил:

– Ты совершаешь ошибку, Марьяна. Ты упускаешь свой единственный шанс.

– Шанс на что? Влиять на совет директоров? Дима, у тебя нет на них того влияния, в котором ты пытаешься меня убедить. – Я отвернулась от него, посмотрела за окно. – Я хочу послушать их предложения. И подождать оглашения заветования.

Вечер был испорчен. Это понимала я, это понимал Димка, настроение у обоих пропало. Дмитрий Алексеевич дулся на меня, переживал крах своих надежд, даже не надежд, а планов, в успешной реализации которых он был уверен. А я... Я не знаю, что чувствовала. Мне было неловко и неудобно рядом с ним, наблюдать за его недовольством. Мы оба отмалчивались, в какой-то момент мне это надоело, и я предложила ему поехать домой.

– Тебя жена ждет, дети, – проговорила я абсолютно ровным тоном. – Поезжай.

Он таращился на меня. В негодовании, и в то же время в сомнении. Стоит ли меня оставлять одну. Пришлось посмотреть на него, встретиться с ним глазами. И повторить:

– Поезжай, Дима. Я не обижусь.

Он переминался с ноги на ногу, после чего сказал:

– Надеюсь, ты скоро придешь в себя. Конечно, потерять отца, это очень тяжело, но надо жить дальше, Марьяна.

Я снова согласно кивнула. Он всё говорил правильно.

Только речи его звучали бессмысленно, словно в пустоту.

И всё-таки во мне жила какая-то надежда, или даже не надежда, а призрачное предположение, что Димка не уйдет, не оставит меня. В последний момент, у порога, передумает, вернется ко мне, подойдет, обнимет, и скажет, что ему никуда не надо. Без меня ему никуда и ничего не нужно. Наверное, каждая женщина хочет услышать эти слова, хоть однажды. Я продолжала сидеть на кухонном диванчике, поджав под себя ноги, смотрела в окно, и прислушивалась к тому, как Дмитрий Алексеевич собирается, ходит из комнаты в прихожую, вздыхает, затем он всё же вернулся, заглянул на кухню.

– Марьяна, я ушёл, – сказал он после короткой паузы.

Я коротко кивнула, головы не повернула в его сторону. И он ушёл. Я слышала, как хлопнула, закрываясь, дверь в прихожей. Опустила голову, прижалась лбом к своим коленям, и слёзы всё-таки потекли, начали капать вниз, на пол. Я плакала, но плакала не из-за того, что Димка ушёл. Я плакала от накатившего вдруг чувства одиночества. Наверное, это самое непереносимое, понимать, что ты один.

Ночевать я осталась в квартире. Не хотелось со своим подавленным настроением появляться перед Шурой. Не хотелось, чтобы меня жалели, увещевали, обещали что-то несбыточное. Почти всю ночь не спала, лежала в темноте, вслушивалась в тишину, потом встала, включила свет. Лучше от этого не стало, но хотя бы не мерещились всякие ужасы в тем-

ноте.

– Ты домой собираешься? – поинтересовалась у меня Шура, когда я утром решила ей позвонить.

– Конечно, собираюсь, – ответила я. – Заняться всё равно больше нечем. Пал Палыч заедет за мной через полчаса.

– Что за блажь ночевать одной в квартире? – проворчала Шура тише.

Я усмехнулась.

– С чего ты взяла, что я одна ночевала? Может, не одна.

Шура многозначительно помолчала, после чего сказала:

– Приезжай домой, Марьяна.

Ясно, Пал Палыч уже в курсе, что Абакумов уехал ещё вчера вечером, оставив меня одну. Ни от кого ничего не скроешь.

Из подъезда я вышла, когда Пал Палыч мне отзвонился, и сообщил, что ждет. Он встретил меня в холле, у стойки охраны.

– Проезд перегородили, пришлось машину за воротами оставить, – сообщил он мне, словно, это была какая-то серьёзная проблема. Мы вышли из подъезда, прошли по мощёной дорожке к калитке. Пал Палыч её передо мной распахнул, я вышла к автомобилю. Молодой водитель распахнул передо мной заднюю дверь, я уж готова была сесть в салон, подняла с глаз темные очки, по сторонам не смотрела, а потом услышала женский голос.

– Марьяна!

Я остановилась, повернула голову. Увидела неподалеку девушку. Она была худенькой, невысокой, с крашеными светлыми волосами по плечам. Одежда на ней была модной, но заметно было, что стоила недорого. Узкие джинсы, кофточка с орнаментом фирменного бренда, даже издали было понятно, что это дешевая подделка, на ногах яркие босоножки, а за плечами лаковый рюкзачок кричащего цвета. Совершенно точно, что девушка была мне незнакома. Таких знакомых я попросту не имела, мне негде было с ними знакомиться.

Девушка, заметив, что сумела привлечь моё внимание, сделала пару торопливых шагов в мою сторону, но Пал Палыч тут же преградил ей дорогу. Девушка едва не налетела на него, остановилась, будто перед баррикадой, выглянула из-за плеча охранника, смотрела на меня, явно не зная, что предпринять.

– Марьяна, мне нужно с вами поговорить, – сказала она. – Это очень важно!

– Это вы вчера меня искали? – вспомнила я слова домработницы.

Девушка торопливо кивнула.

– Я. Я уже два дня вас здесь жду.

Я отошла от машины.

– Пал Палыч, я не думаю, что у девушки на уме что-то плохое, – сказала я.

Рыков в явном недовольстве отступил, допуская ко мне

девушку. Та приблизилась, и я смогла рассмотреть её получше. Не представляла, кто она такая, и что ей может от меня понадобиться.

– Я вас слушаю, – поторопила я её.

Девушка приглядывалась ко мне. Присматривалась, её взгляд был очень внимательным, даже придирчивым. Но она всеми силами пыталась скрыть своё столь откровенное любопытство, вот только не получалось.

– Меня зовут Лиля, – проговорила она. Причем, таким тоном, словно это что-то объясняло.

Я кивнула после её слов.

– Очень приятно. Зачем я вам понадобилась, Лиля?

– Мы слышали о твоём... вашем отце, что он умер.

Я слегка нахмурилась.

– Да. А вы – это, собственно, кто?

И вот тут она выпалила:

– Я твоя сестра.

Я в молчании её разглядывала. Даже отступила на полшага, окинула девушку взглядом. Затем посмотрела на Пал Палыча. У того на лице было написано скептическое выражение, он даже фыркнул презрительно, подошел и попробовал незнакомую девицу от меня оттеснить.

– Ты бы шла, красавица, по своим делам, – проговорил он, прихватив девушку за локоть. – Марьяне Александровне не до твоих выдумок.

Девушка дернула рукой, за которую Рыков её удерживал.

– Я не вру! Это правда!

– Девушка, у меня нет сестёр, – вздохнула я, устав от этого представления. Повернулась и направилась обратно к машине.

Рыков девушку отеснил к тротуару, тоже направился к автомобилю. Я успела сесть на заднее сидение, а незнакомая девица ринулась вперед, заглядывая в салон. И выкрикнула:

– Вашу маму зовут Любовь! Любовь Витальевна Дегтярева, в девичестве Шальнова. Ведь так?

Я жестом остановила водителя, который уже собирался захлопнуть дверь. На девушку опять взглянула, на этот раз в моём взгляде было больше заинтересованности. Правда, Пал Палыч с переднего сидения, на котором успел устроиться, подал голос:

– Марьяна, кого ты слушаешь?

А я смотрела на девушку. Затем кивнула, правда, вслух проговорила:

– Допустим.

Худенькая блондинка, поняв, что я не уезжаю, слушаю её, скинула голову и взглянула на меня с вызовом.

– Она и моя мама.

Становилось всё интереснее и интереснее. Я снова окинула девицу изучающим взглядом. После чего поинтересовалась:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре.

У меня вырвалась усмешка.

– Дорогая, моя мать умерла, едва мне исполнилось три года, – пояснила я ей. – Ты никак не можешь быть моей сестрой. – Я опустила на глаза тёмные очки. Попросила: – Володя, поехали.

Водитель почти успел захлопнуть дверь со стороны моего сидения, как я услышала:

– Ты уверена?

Дверь захлопнулась, и я застыла в тишине. Пал Палыч тоже молчал, я только наблюдала, как он развернулся на сидении, уж как-то нарочито медленно, и в полном молчании принялся смотреть вперед через лобовое стекло. Володя открыл дверь со стороны водительского сидения, сел, посмотрел на начальника. Поинтересовался:

– Едем?

Я посмотрела за окно, девчонка всё ещё стояла рядом с автомобилем, не уходила. А у меня вдруг стало как-то очень неуютно, тревожно на душе. Рыков в ответ на вопрос водителя продолжал молчать, и это тоже сильно настораживало.

И я решила переспросить:

– Мы едем, Пал Палыч?

Он ко мне повернулся. Посмотрел на меня, очень выразительно.

– Марьяна, это незнакомая девчонка. Ты реально хочешь поверить её громким заявлениям?

Я сняла тёмные очки, посмотрела Рыкову в глаза. С огромным вопросом в глазах. И снова спросила:

– Мы едем, Пал Палыч?

Рыков тяжело вздохнул. Отвернулся. А я снова посмотрела на девчонку за окном. Сердце пустилось в суетливый пляс.

– Володя, пригласи её в машину, – попросила я водителя.

– Марьяна, ты совершаешь ошибку, – с нажимом проговорил Пал Палыч. – Александр Гаврилович бы не одобрил.

– Папы больше нет, Пал Палыч, – только и ответила я.

Дверь с другой стороны открылась, девушка села в салон, глянула на меня победным взглядом. И пообещала:

– Я всё тебе расскажу.

Завораживающее заявление, вот только радости особой в моей душе оно не вызвало. Автомобиль тронулся с места, я молчала, даже к окну отвернулась, но краем глаза видела, что моя гостя с восторгом оглядывает салон дорогого автомобиля, в котором оказалась.

– Как говоришь, тебя зовут? – спросила я.

– Лиля, – с готовностью отозвалась она. Повернулась ко мне. – Я так давно хотела с тобой познакомиться.

Пал Палыч шумно вздохнул впереди. Я буквально чувствовала его недовольство, но никак не реагировала. Мне хотелось разобраться в ситуации.

Я разглядывала девушку. Очень внимательно разглядывала. И понимала, что нечто общее, схожее в наших чертах лица есть. Форма носа, высокие скулы и глаза... Вот глаза у нас

точно были одинаковые.

Черт.

Черт, черт. Я, вообще, ничего не понимаю.

– И откуда ты здесь взялась, Лиля? – поинтересовалась я.

– Да я уже некоторое время в Москве. В нашем-то захолустье не устроишься на нормальную работу. В Москве всё лучше. Живу вместе со школьной подружкой, мы комнату вместе в общежитии снимаем.

Я покивала, словно меня, на самом деле, интересовала вся эта информация. Интересовало меня совсем другое, правда, я безумно боялась задать вопрос.

– Марьяна Александровна, домой едем? – спросил водитель.

– Домой, – решила я.

Пал Палыч снова недовольно крикнул. И негромко проговорил, правда, я отлично расслышала:

– Вот Шура обрадуется.

Я с ним была согласна в этом вопросе, но и менять своё решение отправиться домой, не стала. Куда я должна была пригласить эту особу? В квартиру возвращаться не хотелось, просто не хотелось и всё. В ресторан? Сидеть с постной физиономией напротив неё за столиком и не знать, с чего начать разговор, что спросить?

А дома, как говорится, и стены помогают.

Всю дорогу я сдерживалась и главного вопроса не задавала. Хотя, в моём сознании происходила настоящая буря. На-

стоящий ураган из мыслей, вопросов, недоверия. Лиля что-то без умолку болтала, в основном про Москву, про то, что со школьных времен хотела перебраться сюда, я её мало слушала. Смотрела за окно и думала. Не знаю, сестра она мне или не сестра, но в первый момент у меня никаких родственных чувств к ней в душе не вспыхнуло. Какая-то непонятная, незнакомая девица, собирающаяся рассказать мне, как я неправильно жила всю свою жизнь.

Может, Пал Палыч прав? Меньше знаешь, крепче спишь? Я вздохнула.

Может, и прав. Но что сделать? Остановить машину, выгнать её и уехать? Но ведь это не поможет мне забыть о её словах.

Я нервничала. Барабанила пальцами по кожаной обивке сидения.

– Ну, вот мы и дома, – буркнул Рыков, когда автомобиль въехал за ворота. Едва он остановился, я тут же дернула ручку двери и вышла, не стала дожидаться, пока Володя откроет для меня дверь. Мне казалось, что ещё несколько секунд, и я попросту задохнусь от бездействия.

Я вышла из машины и направилась к дому, слышала, как Пал Палыч за моей спиной говорит нашей гостье милое:

– Выходи уже из машины. Что ты сидишь?

– Марьяна. – Шура вышла мне навстречу. Встретила мой взгляд и остановилась, улыбка исчезла с её лица, и она тут же взволнованно всплеснула руками: – Что случилось? Всё пло-

хо?

– Ещё не ясно, – честно ответила я. – Проводи нашу гостью в кабинет отца. Я подожду её там.

– Гостью? – переспросила Шура, но я не остановилась, чтобы хоть что-то ей объяснить.

– Какой огромный дом, – восторженно проговорила Лилия, через минуту появляясь на пороге отцовского кабинета. Шура довела её до дверей, кинула на меня вопрошающий взгляд, но я никак не отреагировала, и Шура лишь прикрыла за собой дверь, оставляя нас с Лилей наедине.

Я присела за отцовский дубовый стол, а сама снова приглядывалась к девушке. Ничего особенно запоминающегося или привлекательного в ней не было. Скажем честно. Смазливая мордашка, хорошая фигурка, взгляд настойчивый и достаточно нахальный. В общем, таких, как она, на улицах Москвы не счесть.

Заметно было, что девушка почувствовала себя более уверено, чем в момент нашей с ней первой встречи, когда она пыталась хватать меня за руки и что-то быстро говорила, стараясь заполучить моё внимание. Сейчас Лилия оглядывалась, расхаживала по кабинету отца и улыбалась.

– Мама говорила, что вы богаты, – выдала она, в конце концов.

А меня слово «мама» вновь будто ножом по сердцу полоснуло. Я сложила руки на столе, наблюдала за ней. Я молчала, никак не могла решиться заговорить, и Лилия в какой-то

момент, судя по всему, почувствовала, что повисшая между нами тишина затягивается, и повернулась ко мне. Спросила:

– Ты мне не веришь?

– У меня нет повода тебе верить, – честно сказала я. – Я тебя не знаю.

– Я говорю правду, – упорствовала она. – Я твоя сестра. По матери.

– Моя мать умерла много лет назад.

– Кто тебе об этом сказал?

– Отец. Для чего ему врать про такое?

Лиля пожала плечами.

– Наверное, повод был. Кстати, ты была на её могиле?

– Мама похоронена и кремирована во Франции. Там, где погибла.

– Как удобно, – фыркнула девица. А мне за это фырканье захотелось схватить её за руку и вытолкать из моего дома. Правда, я даже не пошевелилась, осталась сидеть на месте. А Лиля приблизилась к столу, присела напротив меня, на самый краешек стула. Сложила руки на столе, наклоняясь ко мне, посмотрела прямо в глаза и сказала: – Марьяна, я говорю тебе правду. Я твоя сестра, а наша мама жива. Она живёт в Ржеве. Всего лишь двести километров от Москвы.

Я невольно нахмурилась.

– Ржев? При чем здесь Ржев?

Лиля откинулась на стуле, развела руками.

– Мой отец оттуда родом. Вот мы и живём там последние

двадцать лет.

– Бред какой-то, – вырвалось у меня.

– Хочешь, я тебе фотографии покажу?

– Фотографии?

– Мама. И меня. У тебя есть её фотографии?

– Есть, – осторожно кивнула я.

– Думаю, она сильно изменилась. – Лиля хмыкнула, вдруг призадумавшись. – Всё-таки столько лет прошло, да и... уровень жизни у неё изменился. Но всё равно ты сможешь её узнать.

Я с замиранием сердца следила за тем, как Лиля достает из сумочки смартфон, что-то в нём отыскивает, а потом протягивает его мне. Я не взяла его в руки, только взглянула.

На экране было фото женщины... Я сделала осторожный вдох, буквально втянула в себя воздух, едва не задохнувшись при этом.

У меня были фотографии мамы, достаточно много. Они были собраны в специальном альбоме, и с моих лет восьми хранились в моей комнате. В детстве я достаточно часто на них смотрела, даже разговаривала с ними. Мне хотелось, чтобы у меня была мама, как у всех детей, но папа всегда с сожалением говорил, что с судьбой не поспоришь. Случилось так, как случилось, и мы остались с ним вдвоем. Мама погибла в автокатастрофе, в одну из их поездок во Францию. Страшная авария на серпантине, машина сорвалась с обрыва, и опознавать, в принципе, было нечего, поэтому он и при-

нял решение о кремации. Повзрослев, я задала отцу вопрос: почему он решил похоронить маму не на родной земле, а он, после короткой паузы, сказал, что мама очень любила Францию.

Сейчас, вспомнив обо всём этом, я впервые подумала о том, как глупо звучали аргументы отца. «Мама любила Францию». Но я была не приучена сомневаться в его словах, и тогда поверила безоговорочно. А теперь вот... чувствую себя глупо.

А сейчас незнакомая девица, сидящая напротив меня, пытается убедить меня в том, что моя мама не погибла, что она все эти годы жила в соседней области, вышла замуж, родила ребёнка. И что на фото, что она мне сейчас показывает, на самом деле моя мать.

Я до боли в глазах вглядывалась в фотографию. И то, что я видела, медленно меня убивало.

Конечно, это была не та красавица, что на фотографиях, которые я хранила в своём альбоме. Моя мама, на самом деле, была красавицей. С моим отцом у них была солидная разница в возрасте, двадцать лет, они познакомились случайно, на улице, как рассказывал мне отец. Тридцать лет назад Александр Дегтярев ещё появлялся на улице без охраны, и случайные знакомства были ему доступны. Я никогда не сомневалась в правдивости его рассказов. В моём детстве, папа время от времени садился вместе со мной смотреть фотографии моей мамы, рассказывал об их жизни, об их первой

встрече, и я всегда видела, что он искренне тоскует по тем временам. Вспоминает о маме с любовью. Папа всегда говорил, что мама была красивой, доброй и замечательной женщиной.

С фото, что показывала мне Лиля, на меня смотрела женщина, очень похожая на мою маму. Овал лица, разрез глаз, улыбка. Но, в то же время, это была не она. Годы наложили свой отпечаток, морщины и усталость в глазах, немного расчёпанная причёска. Мне бы очень хотелось сказать, что это не она, повернуться к этой девушке, и сказать, что она, если не обманывает, то ошибается в нашем с ней родстве. Я очень хотела сказать, что женщина на фотографии несколько мне не знакома.

Но я не могла этого сделать. Я её узнала.

И объяснения этому факту в моём сознании никак не находилось.

– Ты ведь узнала? – спросила меня Лиля, пытливо вглядываясь в моё лицо.

Я чуть отодвинулась. И чтобы как-то удержаться от взрыва чувств, сухоовато проговорила:

– Я была слишком мала, когда... потеряла мать. И видела её только на фотографиях. Поэтому...

Дать чёткого ответа не могу.

Лиля убрала телефон. Кивнула, усмехнулась.

– Конечно.

Я наблюдала за ней. Понимала, что мой ответ её не устро-

ил. Но чего она ждала? Что я кинусь плакать, причитать и умолять её отвезти меня к этой женщине?

Вместо этого я решила поинтересоваться:

– Что ты хочешь?

Она вскинула на меня якобы удивлённый взгляд.

– Я?

Я кивнула.

– Для чего-то ты меня искала?

– Конечно. – Я заметила, как Лиля подобралась. – Мы услышали в новостях о смерти твоего отца... Мама захотела с тобой встретиться. Появился шанс тебя увидеть.

– Для чего?

Лиля глянула на меня в недовольстве.

– Какие-то странные вопросы ты задаёшь. Она твоя мать.

– Не знаю. Понятия не имею, мать она мне или нет. Что, конечно, не исключает степень нашего родства. Но всё же...

– Тебе совсем не интересно? Почему от тебя скрывали родную мать?

Я промолчала. Лиля сверлила меня взглядом, после чего резво поднялась.

– Что ж, я так маме и передам. Очень жаль, что ты такая.

– Какая? – тут же переспросила я.

– Судя по всему, такая же, как твой отец! – выпалила она.

Мои губы вдруг тронула улыбка.

– Да, я на него похожа.

Я видела, как Лиля стоит в нерешительности, не зная, что

дальше предпринять. Её взгляд метнулся по стенам кабинета, по книжным шкафам от пола до потолка, по тяжёлой, дуговой мебели... по мне, сидевшей в кресле с высокой спинкой, гордо расправив плечи, сцепив пальцы в замок на столе, и глядевшую на неё, наверное, свысока. Но это был единственный шанс для меня, сохранить спокойствие, после всего услышанного.

– Я ухожу, – сообщила она с оттенком некой угрозы.

Я согласилась с ней.

– Всего хорошего.

Лиля усмехнулась, снова окинула меня внимательным взглядом.

– Оставайся здесь одна, – сказала она напоследок, и вышла из кабинета. Правда, дверью не хлопнула, а аккуратно её за собой прикрыла.

ГЛАВА 3

– Свят, свят. – Шура быстро перекрестилась, когда я рассказала ей о нашей гостье. Смотрела на меня ошарашено и с недоверием.

Я кинула на домработницу быстрый взгляд. Осторожно спросила:

– Ты не знала?

Шурины глаза удивленно округлились.

– Ты что, Марьяна? Нет, конечно.

– Мне казалось, папа тебе всё рассказывал.

– Не настолько же. К тому же, когда я пришла в ваш дом, о матери твоей уже никто и не говорил.

– Никто не говорил, – повторила я за ней тихо. Я не могла сидеть на месте, и ходила по комнате. А Шура наоборот, присела на краешек кресла. Наблюдала за мной, печально вздыхала время от времени.

– Что ни день, то новости, – вздохнула она в какой-то момент. – И все плохие. Что же это за напасть?

– А вот Пал Палыч знал, – пожаловалась я. – Но говорить со мной не хочет.

– Как это – не хочет?

Я развела руками.

– А вот так. Говорит, что не нужно мне во всё это вникать. Что папа прав был. Ни к чему мне такие родственники.

Шура не кинулась возмущаться самовольством начальника охраны, хотя я, признаться, ждала от неё чего-то такого. А она выдержала паузу, посматривала на меня исподлобья, а затем аккуратно проговорила:

– Может, он и прав, Марьяна? Если честно, то эта девушка мне совсем не понравилась.

Я остановилась, вздохнула, глубоко-глубоко, само как-то получилось, затем присела на диван. На Шуру посмотрела.

– И что теперь делать? – поинтересовалась я. – Взять и всё забыть? Будто ничего не случилось? – Между нами повисло молчание. Потому что обе прекрасно понимали, что «взять и забыть» – не вариант. – Она мне тоже не очень понравилась, – призналась я, продолжая рассуждать. – Но это не отменяет того факта, что она, возможно, моя сестра.

Шура тут же вскинула руку в предостерегающем жесте.

– В том-то и дело, что возможно!

– К тому же, – добавила я, – может, это первое, ошибочное впечатление. А, на самом деле, она совсем неплохая. Даже хорошая. Просто у нас с ней разная... манера общения.

– Среда обитания у вас разная, – сказала, будто отрезала, Шура. – И воспитание, и образование. В общем, всё.

– А мать?

Этот короткий вопрос поверг Шуру в уныние. В конце концов, она безнадежно махнула рукой и с кресла поднялась.

– Пойду, – проговорила она, – сейчас продукты привезут, надо проследить.

Шура ушла, а я осталась. Хорошо ей, есть на что отвлечься. А мне вот голову ломай, что предпринять.

Наверное, я до сих пор пребывала в шоке, поэтому думать могла только о визите Лили, а не о том, что она мне сказала. Какую тайну открыла. Что моя мама жива, а я всю свою сознательную жизнь думала о ней, как о мертвой. Я пыталась подумать о матери, но каждый раз моё сознание уводило меня в какую-нибудь другую сторону. К раздумьям о каком-нибудь другом вопросе, куда менее важном.

Да и Лилю я, можно сказать, выгнала. Нехорошо, конечно, получилось, но в тот момент я не могла себя заставить дальше её слушать.

– Чем занимаешься? – заинтересовался Пал Палыч, заглядывая в отцовский кабинет. Я уже час здесь сидела, и занималась, по собственному мнению, абсолютно преступным делом – копалась в бумагах отца. Подумать никогда не могла, что могу себе подобное позволить.

– Наследство разбираю, – не стала я скрывать. – Пал Палыч, ты не в курсе, где отец держит ключ от сейфа? – Я вздохнула. – Я этого не знаю. Никогда не могла подумать, что он мне понадобится.

– Нет там ключа, Марьяна. Там код и отпечаток пальца его.

Я моргнула в растерянности.

– А где же его взять теперь?

– Я уже вызвал специалистов, завтра приедут, и всё ис-

правят.

– В смысле, исправят?

– Твой пальчик в базу внесут. Как единственной наследницы.

– Как думаешь, в сейфе могут быть какие-то документы?

– Связанные с твоей матерью? – догадался Рыков.

Я кивнула.

– Может быть. Посмотришь.

Я взглянула на начальника охраны.

– Считаешь, что я не права?

Он плечами пожал.

– Тебе интересно. Ты вправе интересоваться.

– Но не стоит, да? – допытывалась я, как в детстве.

– Не стоит, – согласился он без всяких обиняков. – Но ты ведь меня не слушаешь.

– Моя мать жива, Пал Палыч.

– Это еще не факт. Что она жива, что эта девица твоя родственница. Сейчас объявится куча твоих предполагаемых родственников. И что, всех в семью принимать? Со всеми родниться? Можно подумать, у тебя других проблем недостаточно.

Правда в его словах была. Вот только взять и выбросить разговор с нечаянной гостьей из головы, я тоже не могла. О чём Рыкову и сообщила. Тот недовольно поджал губы, но спорить со мной не стал. А мне вдруг пришла в голову занятная мысль.

– Нужно навестить Лысовского, – сказала я. Откинувшись на отцовском кресле, а на Пал Палыча взглянула с вызовом. – Они с отцом дружили еще до моего рождения. Наверняка, он знает больше, чем кто-либо.

– Ты ведь не успокоишься? – задал Пал Палыч риторический вопрос.

Пришлось головой качнуть.

– Нет. Поедем к Лысовскому.

Григория Филипповича я знала столько же лет, сколько себя помнила. Они с отцом дружили половину их жизней, порой встречались не часто, но никогда дядя Гриша из нашей жизни не пропадал. Появлялся, уезжал в командировки, помню, что возвращался всегда с подарками для меня. Половина кукол из моего детства – его подарки. Сам Лысовский был женат несколько раз, но к своим шестидесяти годам развёлся в третий или четвертый раз, и с тех пор, как он сам говорит, наслаждается свободой. А чего не наслаждаться, когда состояние ты себе заработал, детей вырастил и выпустил во взрослую жизнь, с внуками, между прочим, практически моими ровесниками, встречается время от времени. И практически всё своё свободное время, проводит в загородном клубе vip – класса. Играет в гольф, теннис, обедает на веранде престижного ресторана, а ещё прикупил себе небольшую яхту и бороздит, так сказать, прибрежные воды. Жизнь себе Лысовский обустроил вольготную. Между прочим, он и отца к этому призывал последние лет пять, но па-

па был трудоголиком до мозга костей, и оставить должность никак не мог. Хотя, каждый год собирался это сделать. Всё переживал, что без него всё развалится.

Вот теперь и придётся выяснить, прав он был или нет.

В этом загородном клубе я бывала пару раз, с отцом. К Григорию Филипповичу в гости как раз и приезжали. Я каждый раз поражалась уровню обслуживания и продуманности деталей для удобства и комфорта всех гостей. Хотя, если люди готовы платить большие деньги, то за большие блага их и обслуживать готовы со всем усердием.

– Хотел бы я встретить здесь старость, – крикнул Пал Палыч у меня за спиной, когда мы с ним шли по идеально ровному газону к полю для гольфа. Что начальник охраны, что я, оглядывались по сторонам, и мысли и ощущения у нас, наверняка, были схожи. Хотелось сесть посреди этого поля, прямо на зеленую травку, и просидеть на этом поле, в тишине, несколько часов. С чувством, что ты можешь себе это позволить.

– Главное, задаться целью, – поддакнула я Пал Палычу. – Хочешь – встретишь.

– Нет уж, Марьян, не успокаивай, – неожиданно усмехнулся Рыков. – Тут как раз работает поговорка: кто на что учился.

Григорий Филиппович нашелся на пригорке. Стоял с клюшкой и что-то с увлечением разглядывал вдали, приложив ладонь козырьком ко лбу. Неподалеку юркий, белень-

кий электрокар, корзина с клюшками для гольфа и скучающий парень-охранник, поджидающий хозяина. Для чего дяде Грише на территории клуба, охранник, мне невдомек, но я, наверное, чего-то не понимаю.

– Марьяна, красавица моя. – Григорий Филиппович при моем появлении, отвлекся от созерцания поля для гольфа, передал клюшку своему парнишке, и шагнул ко мне. Обнял, крепче, чем обычно, прижался губами к моему виску. Затем отстранился, заглянул в глаза. – Как дела? Как настроение?

– Привыкаю, – сказала я правду. Я отступила назад, стоять так близко к сухопарой груди Лысовского показалось мне неловким. А ему сказала: – Дядя Гриша, разговор есть.

– Это хорошо. Ты же знаешь, я всегда с тобой поговорить готов. Вообще, люблю разговаривать с молодёжью. Вчера вот Валерка приезжал, мы с ним любим поговорить. Единственный мой внук, которому интересно слушать мои стариковские байки, – засмеялся Лысовский.

А я поспешила его успокоить.

– Потому что вы совсем на старика не похожи. – И поинтересовалась: – Как у Валеры дела?

Валера, старший внук Лысовского, был младше меня на пять лет. В детстве мы с ним время от времени встречались на семейных празднествах и дружеских посиделках. Конечно, в то время разница в возрасте была существенной, дружить мы никогда с ним не дружили, но, достаточно повзрослев, стали общаться, přátельствовать. Несколько лет

назад Валера уехал в Будапешт, сначала учился там, потом остался на практику, и теперь раздумывал, вернуться ему в России или остаться в Европе. По всей видимости, обдумывать своё будущее он решил рядом с родными.

– Хорошо у Валеры дела, – отмахнулся от меня Лысовский. – Девушку завел здесь, в Москве. Надеюсь, она его вздумит, и он останется.

– А он хочет остаться? – хмыкнула я.

Григорий Филиппович недовольно поморщился.

– Это его мать с панталыку сбивает. Европа, Европа!.. Какая к чертям Европа? Здесь дом, здесь семья. Пусть работает, женится.

– Рано ему еще жениться, – вырвалось у меня.

А Лысовский фыркнул.

– Глупости. Я в первый раз в девятнадцать лет женился. – Я на него взглянула, а он тут же вскинул руку в предостерегающем жесте. – И не жалею, Марьяна. Смотри, сколько всего успел! Четверо детей, пятеро внуков. И на себя время осталось.

Я улыбнулась.

– И тебя надо было замуж вовремя выдавать, – неожиданно выдал Лысовский. – Мы с Сашей ещё спорили на эту тему. А он ни в какую со мной не соглашался.

Мне стало откровенно не по себе, и я аккуратно попросила:

– Дядя Гриша, давайте не будем. Я к вам по-другому во-

просу приехала. Разговор есть... пикантный.

— Ого, — вырвалось у него, а в глазах зажглась насмешка и хитринка. — Тогда предлагаю поговорить в другом месте, а не здесь. — Он раскинул руки, предлагая оценить простор с идеально подстриженными полями для игры в гольф. — По-едем в ресторан, я тебя мороженым угощу. Я же знаю, ты любишь.

Я снова улыбнулась, на этот раз через силу. Вдруг вспомнилось, что папа всегда задабривал меня мороженым.

К ресторану рядом с пирсом мы добирались на электрокаре. Для передвижения по территории загородного клуба, они, без сомнения, были удобны, но я всё равно чувствовала себя немножко глупо, сидя позади, спиной к водителю, и цепляясь за маленький поручень, чтобы ненароком не свалиться. Вдохнула с облегчением, когда мы, наконец, припарковались рядом с рестораном. Я спрыгнула с неудобного, узкого сидения, одёрнула подол узкой юбки, и суетливым жестом откинула за спину волосы. А Лысовскому всё было весело. Он, как мальчик, выскочил с переднего сидения, взглянул на меня, и рассмеялся.

— Как тебе развлечения старика?

— Мило, — выдавила я из себя.

Оказавшись сидящей за столиком в ресторане, я почувствовала себя спокойней и увереннее. Пал Палыч остался ждать меня на улице, а я смотрела на тёмную воду озера, блестящую в солнечных лучах, и ждала, когда мне принесут

кофе и мороженое.

– Так что у тебя случилось, девочка? Совет директоров бунтует? Я слышал, ты была, навела там шороха, – улыбнулся Лысовский.

Я отмахнулась.

– Не было там никакого шороха. Я испугалась, и разговаривать с ними не стала. Решила взять паузу.

– Правильно.

– Дядя Гриша, отец вам ничего не рассказывал? Про завешание?

– А что с его завещанием? – удивился он. – Всё тебе достанется. Ты одна-единственная, кровинка его.

– Да я не об этом, – вздохнула я. – Я о компании.

– А, в этом смысле. Мы с ним обсуждали возможность его преемника, но он определиться никак не мог. Было у него несколько кандидатур.

– Даже несколько, – удивилась я.

– А что? Это такое дело, Марьяна. Всегда нужно иметь запасной вариант.

– То есть, мне ждать? Когда завешание огласят?

– Думаю, да. Торопиться, точно, не стоит. Поспешность, вообще, дело неблагодарное.

– Хорошо, – согласилась я, – я подожду.

– Так тебя это беспокоит?

– Нет. Точнее, не только это, – запуталась я.

– Тогда говори.

Мне принесли мороженое, я поковыряла его ложечкой, съела крупную малину, что лежала сверху. Она приятным, сладким сиропом растворилась на языке. Я даже глаза от удовольствия на мгновение прикрыла. Но бесконечно тянуть нельзя было, поэтому я снова на Лысовского посмотрела.

– Дядя Гриша, расскажите мне о матери.

– О матери? – удивился он. – А что тебе рассказать?

– То, чего я не знаю.

Григорий Филиппович в задумчивости хмыкнул, смотрел на меня, а глаза у самого хитрые-хитрые.

– Если отец тебе не рассказал, то мне откуда знать?

Я смотрела на Лысовского и понимала, что он со мной играет. Как в детстве. Уговаривает меня всякими глупостями, чтобы я перестала требовать ещё одну порцию мороженого.

– Дядя Гриша, у меня вчера гостя была, – выдала я ему без обиняков. – Говорит, что сестра моя. Родная, по матери.

Григорий Филиппович смотрел на меня, не моргая, после чего в задумчивости хмыкнул.

– Даже так, – проговорил он. И тут же признал: – Быстро они подсуетились. Где нашли?

И хотя от его слов у меня перехватило дыхание, от волнения, я всеми силами постаралась сохранить спокойствие, и проговорила:

– Караулила меня, у городской квартиры.

– Видать, хваткая особа.

– Вся в мать? – догадалась я.

Лысовский вздохнул, на этот раз совершенно искренне.

– Марьяна, ты пойми, отец же не просто так от тебя правду скрыл.

Я обстоятельно кивнула.

– Понимаю. Что не просто так. Но это, знаете ли, не фантики какие-нибудь. Это моя мать. Живая женщина. А папа её похоронил.

Лысовский откинулся на спинку стула, молчал. То меня разглядывал, то тоже на озеро смотрел. Думал. А я ему не мешала.

– Всё это было, конечно, ожидаемо, – проговорил, наконец, Лысовский. – Что она объявится. Но там, Марьяна, история некрасивая вышла. Что тут скрывать. Банальная, но некрасивая.

– Расскажите, – попросила я. – Я пыталась найти ответ в бумагах отца, но там ничего об этом нет. Да и вряд ли я что-то пойму, даже если найду бумаги о разводе, или что-то подобное.

Григорий Филиппович выдержал ещё одну паузу. Затем признался:

– Странно всё это обсуждать. С тобой, когда Сашки уже нет, да еще после стольких лет. Много лет об этом не говорили, я уж, признаться, и думать забыл. – Он на меня посмотрел: – Так говоришь, дочка у неё ещё?

Я кивнула.

– Двадцать четыре года.

– Не такая уж и большая разница между вами. Что про мать говорит?

– Ничего не говорит. Сказала, что меня обманули, что мама жива-здорова. Живёт в Ржеве.

Лысовский неожиданно хмыкнул.

– Что ж, туда ей и дорога.

– Дядя Гриша, вы знали... что она жива?

– Да знал, конечно. – Он неожиданно потёр шею, словно, неожиданно устал, или ему в один момент стало жутко неловко. – От меня-то такое разве скроешь?

– А от остальных, значит, можно?

Лысовский руками развел.

– Да особо никому и интересна её судьба не была. Сашка версию озвучил, все поверили, посочувствовали, да и думать забыли. Никто же от него подтверждения и документов не требовал. На похороны никто не просился, и на поминки. Остался мужик с ребенком на руках.

– Расскажите мне всё, что знаете, – попросила я.

– Если честно, мне и рассказывать особо нечего. Только то, что я от Сашки знал. Мать твою я видел несколько раз всего. Я в те времена на приисках месяцами пропадал, свою-то семью не видел. Сашка после первой, сильной студенческой любви долго жениться не мог. Романтиком он был, в любовь верил. Знаешь, не в ту, что с неба под ноги упала, люблю – не могу. А в настоящую. В какую-то неземную. Где

только набрался всех этих сказок. А потом с матерью твоей встретился, случайно, на улице. Она молодая была очень красивая. Этого не отнять. Огонь девка. Ты на неё очень похожа, кстати.

У меня вырвалась кривая усмешка.

– Я тоже огонь? – невесело переспросила я.

А Лысовский улыбнулся, головой качнул.

– Нет. Ты, Марьяна, бриллиант. Отец тебя так воспитал. У тебя уникальная огранка. Красива, воспитана, умна, с характером. А твоя мать... она была красивой бабой. И этим всё сказано. Сашка только этого сразу не понял. Да и как понять, когда ему сорок, а ей двадцать? Взыграло всё, что могло разыграть.

Мне, если честно, было неловко слушать про то, что у папы когда-то что-то выиграло, пусть и по отношению к моей матери. Я бы предпочла, чтобы дядя Гриша использовал другие выражения. Влюбился, потерял голову, был пленен её красотой. Я на Лысовского взглянула, и напредила себе, что он точно не романтик и не поэт. Какое тут «пленен»?

– Сашка к тому времени уже задумывался о серьёзном бизнесе, «купи-продай» его никогда особо не прельщало, но на дворе девяностые, все только этим и занимались. Полный бардак творился. А мать твоя, как ты уже поняла, из приезжих. – Григорий Филиппович откровенно ухмыльнулся. – На улице познакомились. Свезло же девке. Такое, если и случается, то раз в жизни, и то далеко не со всеми.

Свою удачу надо за хвост хватать. Вот она и хватанула. Люба, вообще, такая... хваткая. — Лысовский покивал каким-то своим мыслям. — И имя ей досталось замечательное, — заметил он, — под стать приключившейся влюблённости взрослого мужика к молодой деве.

Я крутила в руках маленькую серебряную ложечку, которой ела мороженое. Смотрела куда угодно, но не на Лысовского. Он пересказывал историю моего появления на свет, а я не находила в ней ничего волшебного, светлого, любящего, как обычно обставлял этот рассказ отец. И я с горечью понимала, что версия его друга куда правдивее, чем та сказка, что пересказывал мне папа годами.

— Он на ней женился, — подсказала я продолжение.

— Женился, — кивнул Лысовский, — со всем его удовольствием. Причем, довольно быстро. Месяца через три после знакомства расписались. Я как раз тогда в Москву приехал, познакомился, вразумить попытался. Говорю, куда ты торопишься? Поживи, присмотришься. По ней же видно было всё.

Я глаза на него подняла. Задала четкий вопрос:

— Что?

От моего тона Григорию Филипповичу, кажется, стало немного неловко. Он стушевался.

— Марьяна, ты не подумай, я ничего плохого в виду не имею. Но что есть, то есть. Девочка провинциальная, мордашка симпатичная, до работы не охоча. Поэтому, чем она себя в столице в девяностых обеспечивала, вопрос неодно-

значный. Говорила, что на своей малой родине на фабрике работала. А какие фабрики в девяностых? Потом с подружкой в Москву приехала, и едва ли не через день твой отец её на улице встретил. – Его тон был полон скептицизма. – В общем, даже испугаться красавица не успела.

– Что было дальше?

– Ну, что было дальше... Поженились они, в свадебное путешествие поехали.

– В Париж, – негромко проговорила я. Сколько раз я слышала о свадебном путешествии родителей, что папа отвез маму в Париж, ведь она так об этом мечтала, но возможности вырваться из России девяностых годов в Европу, у среднестатистического гражданина, шансов не было. А папа устроил для мамы сказку.

Я глаза прикрыла. А Лысовский согласно кивнул.

– Они в Париж, а я обратно на прииск. Когда вернулся, года через полтора, ты как раз родилась. Отец твой на седьмом небе от счастья был.

– А мама?

– А что мама? Она родила мужу дочку, тот её подарками завалил, от всех забот в этой жизни освободил. Как все жёны бизнесменов того времени: салоны, магазины, рестораны. Автомобили, шубы, бриллианты. Ездила с ним по всем заграничным командировкам, на морях да океанах отдыхала. Красоту свою сохраняла и лелеяла. – Григорий Филиппович побарабанил пальцами по столу. Хмыкнул. – Чего ду-

ре не хватило?

– Что случилось? – повторила я всё тот же вопрос.

– Совершенно банальная вещь. Мужа дома никогда нет, девочке стало скучно, захотелось острых ощущений. С молодым любовником. Видимо, поверила, что она умнее всех. Думала, что Сашка не узнает.

– Что за любовник?

– Если честно, и не помню уже, Марьяна. То ли охранник, то ли водитель. Что-то такое. Говорю же, история банальная. Вот только Сашку она задела не по-детски. Он ведь, на самом деле, эту дурочку любил. Решил, что она и есть его судьба, что он её столько лет ждал, не женился. Холил, лелеял, дурной характер прощал, капризы. А тут такое... Он ведь узнал всё не по-человечески. Полетели в Париж в очередной раз, город влюблённых, особое, вроде как, для него и его жены, место. Тебя с собой взяли, тебе около трёх лет было, если не ошибаюсь. Он по делам уехал, а когда вернулся, их в номере и застал. – Лысовский помолчал, посверлил меня взглядом. Затем всё-таки продолжил: – Ты в одной комнате мультики смотрела, а они за стенкой... В общем, ты поняла. Это Сашку больше всего задело, что ты рядом была, а Люба даже не постеснялась. В общем, вот и вся история. Вернулся он в Москву с тобой и без жены. С вестью, что матери у тебя больше нет. А всё остальное, про аварию, про похороны в Париже, если честно, люди сами додумали. Люди же любят мыльные оперы. Истории любви с трагическим финалом. Ни-

кто доподлинно об аварии не знал, на похоронах не присутствовал, но кто-то пустил слух, а Сашка оспаривать не стал.

— А что же... мама? — поинтересовалась я. — Просто взяла и уехала из Москвы?

— В этом я очень сомневаюсь, — крикнул Лысовский. — Что просто взяла и уехала. Понятно, что уехать её твой отец заставил. Он мне тогда говорил, что сделает всё, лишь бы её рядом с тобой не было. Не знаю, что ты про отца подумаешь, но возможности выжить её из столицы, у него были. Думаю, он ими воспользовался. Денег дал, я знаю, но с её тогдашними аппетитами, не думаю, что их надолго хватило. Хотя... Куда можно потратить деньги, живя в Ржеве?

Я подперла щеку рукой, смотрела на воду. На душе было откровенно тягостно. Все мои феерические мысли о великой любви родителей, рассыпались в пух и прах. Трудно пережить разочарование.

— Поэтому он так и переживал за тебя, — добавил Лысовский. Я снова на него посмотрела. — Не хотел, чтобы ты такое же предательство пережила. Оберегал. Чересчур оберегал, Марьяна, но ты должна его простить за это. И на отца зла не держать.

Я сглотнула. Затем проговорила негромко:

— Я не держу. Он делал это, потому что меня любил.

— Любил, — кивнул Григорий Филиппович. — Очень любил. Он всю свою любовь тебе отдал.

Я невольно улыбнулась. Секунду размышляла, после чего

сказала:

– Он должен был мне рассказать. Потом, когда я повзрослела. Я бы его поняла.

– Да как такое расскажешь? – отмахнулся Лысовский. – Признаться в том, что тебя бросили, не оценили? Это для мужика такой удар по самолюбию. Его пережить надо. Сашка, мне кажется, так и не пережил. Да и признаться дочери, что придумал смерть её матери... Он надеялся, что ты не узнаешь. Она ведь не интересовалась тобой все эти годы. Конечно, ты можешь сказать, что у неё шанса не было... Но и попыток тоже не было, Марьяна, я точно знаю. И поэтому... подумай десять раз, прежде чем позволять ей вернуться в твою жизнь.

Я вздохнула раз, другой, после чего честно призналась:

– Лучше бы я всего этого не знала.

– Лучше бы, – кивнул Лысовский. – Но тут уж на удачу... Я тоже надеялся, что не всплывет эта история. – Григорий Филиппович протянул руку через стол и накрыл ею мою ладонь. – Марьяна, надо сделать всё возможное, чтобы эта история в прессу не попала. А зная Любу... Думаю, она и дочку свою... другую, похоже воспитала. Ты её сейчас прогнала, и чем это закончиться может для тебя, неизвестно.

– И что вы предлагаете?

– Прощупать почву, пока не поздно. Я, конечно, своих людей подключу, но... в наше время интернета, сама понимаешь.

Я кивнула.

– Понимаю.

Похоже, придется делать шаг назад, и снова встречаться с Лилей.

Всю дорогу домой я молчала. Думала, а Пал Палыч на меня с подозрением косился. Точнее, оборачивался время от времени, и пытал меня взглядом. Я притворялась, что не замечаю. Рыков вздыхал, отворачивался, но затем не выдерживал, и снова на меня смотрел. Ждал моего решения.

Дома меня поджидал сюрприз. Дмитрий Алексеевич на диване в гостиной. Пил кофе и просматривал какие-то бумаги. Пиджак снят и повешен на спинку соседнего стула, узел галстука распушен, и, вообще, Дмитрий Алексеевич, судя по всему, чувствовал себя вполне комфортно. В домашней обстановке.

В первую секунду, увидев его, я остановилась в дверях, после чего решила, что глупо таиться, и нужно принимать реальность такой, какая она есть. То есть, Абакумова в своём доме. Как никак, а я его люблю. Последние два года люблю. И в последнее время частенько себе об этом напоминаю.

– Привет, – сказала я.

Димка голову поднял, посмотрел на меня. Спусти мгновение улыбнулся.

– Привет, – отозвался он легким тоном. Меня, если честно, отпустило.

А ведь до момента его улыбки я даже не осознавала

до конца того напряжения, что меня неожиданно накрыло. Но он улыбнулся, и я поняла, что продолжения ссоры не будет, и на душе стало легче.

– Где ты была?

– Ездила к Лысовскому, – призналась я. Подошла ближе, кинула на кресло свою сумку, скинула с ног туфли на каблуках, и устроилась рядом с Абакумовым на диване. Ноги под себя поджала.

Дмитрий Алексеевич за мной наблюдал.

– Советоваться?

– Вроде как, – вздохнула я. Пристроила локоть на мягкой спинке дивана, подперла рукой голову.

– И что он говорит?

Я молчала. Раздумывала, стоит ли Димке знать о происходящем. А потом решила, что если не стоит, тогда и сидеть на этом диване рядом со мной, ему тоже не стоит. Но я ведь не хочу взять и прогнать его, да? Я его люблю.

«Люблю», проговорила я мысленно, будто смакуя это слово на языке.

«Надо было выдать тебя вовремя замуж», вдруг пронеслись в моей голове слова Лысовского. «Сейчас всё было бы по-другому».

Не знаю, что это вдруг накатило на меня, но в горле встал комок, глаза зажгло, я поняла, что слёзы готовы пролиться, так горько вдруг стало, в один момент, и я поторопилась откашляться. И заговорила:

– Это не по работе. Нужно было прояснить один вопрос... связанный с моей семьёй. – Я сделала глубокий вдох. – Дима, мне надо тебе кое-что рассказать.

И я рассказала. Взяла и рассказала. Как сама понимала, как запомнила, как смогла выразить. Абакумов выслушал, хмурился, но не перебивал. За что я была ему благодарна. Если честно, собственный пересказ услышанной недавно истории моего появления на свет, внесло немного ясности в моё сознание. Я будто взглянула на ситуацию со стороны.

А вот Димка, судя по всему, всерьёз впечатлился.

– Бедные родственники? Марьяна, ты ведь несерьёзно?

Я посмотрела в один угол, затем в другой угол комнаты. Осторожно заметила:

– Дима, это не просто родственники. Речь идёт о моей матери.

Он отложил бумаги, которые до сих пор держал в руках, с дивана поднялся.

– А мне кажется, речь идет о шантаже. Тебя пытаются припереть к стенке.

– Что ж, – вздохнула я, – у них получается.

Абакумов забежал по комнате.

– Лысовский прав. Нужно немедленно принять меры. Не дай Бог вся эта история выйдет в свет. Да нас всех с потрохами съедят!

– Кого это – нас? – не удержалась я от вопроса.

Дмитрий Алексеевич остановился передо мной, взглянул

выразительно.

– Марьяна, я знаю, что ты злишься на меня, но, мне кажется, что не время.

– Я не злюсь, Дима.

– Ты понимаешь, какой масштаб может принять этот скандал? Александр Дегтярев «похоронил» свою жену! Заживо!

Я кивнула.

– Понимаю.

– Нужно решать вопрос радикально, – выдохнул он.

Я моргнула. Решила поинтересоваться:

– Это как? Похоронить её по-настоящему?

– Что за ерунду ты говоришь? – тут же возмутился он. – Нет, конечно. – Дмитрий Алексеевич упер руки в бока. – Придётся дать им денег, – сказал он. – Они же этого и хотят, да?

Я промолчала. Мне было неприятно об этом слышать. Мне бы, если честно, хотелось бы узнать, что дело не в деньгах, а именно во мне.

А вдруг мама хочет увидеть, узнать меня? Такое ведь может быть?

В гостиную заглянула Шура. На меня посмотрела, затем на Дмитрия Алексеевича. Поинтересовалась:

– Ужин подавать?

Абакумов кивнул.

– Подавайте, Шура.

В его голосе проскользнули хозяйские нотки, для себя я

этот факт отметила, но обсуждать, даже раздумывать на этот счёт, у меня в данный момент желания не было. Поэтому я лишь кивнула Шуре, которая вопросительно на меня поглядывала.

– Я ей не нравлюсь, – сказал мне Димка, когда Шура вышла.

Я лишь плечами пожала.

– Тебя это беспокоит?

– Неприятно, знаешь ли.

Я за Димкой украдкой наблюдала, он прошёлся по гостиной, остановился у окна, сунул руки в карманы брюк. Он был привлекательным и притягательным мужчиной. Меня он тоже, в своё время привлёк и притянул к себе. Я даже влюбилась. А вот теперь смотрела на него, и чувство влюблённости во мне ещё было живо, но я уже не помнила, за что именно я его полюбила. Смотрела на Дмитрия Алексеевича и задавала себе этот вопрос.

– Дима, ты хочешь мне что-то сказать? – Вопрос вырвался у меня сам собой.

Он обернулся на меня через плечо.

– Мне кажется, своим присутствием в твоём доме, я уже всё сказал. Или ты не рада меня видеть?

– Рада, – признала я. – Мне не нравится быть одной.

– Только поэтому? Потому что тебе не нравится быть одной?

– Не придирайся к словам, пожалуйста. Я лишь пытаюсь

уберечь свою психику и самолюбие.

– В каком смысле?

– Когда ты вернёшься обратно к семье, я снова останусь одна, и мне нужно быть к этому готовой.

– А если я не вернусь? Если я останусь с тобой?

Мои губы тронула понимающая улыбка.

– Сейчас очень удобно об этом говорить, – сказала я. – Я хотела услышать эти слова от тебя гораздо раньше.

– Я знаю. – Он вернулся к дивану, склонился надо мной, прижался губами к моей макушке, при этом, даже не тронув меня руками. Его губы были тёплыми и мягкими. – Ты сама не была к этому готова, Марьяна. Признайся. Ты не готова была пойти против мнения отца.

Я промолчала. В чём-то он был прав. Я не готова была в одиночку доказывать отцу, что люблю, что хочу именно этого мужчину, что есть достойная причина для того, чтобы стать разлучницей. Особенно, притом, что сам Дмитрий Алексеевич особого рвения не проявлял. Любовь проявлял, сексуальное желание проявлял, клятвы и обещания давал в огромном количестве, а конкретных шагов за два года так и не предпринял. Именно за это отец его и невлюбил. Я это доподлинно знала. Папа был человеком слова, категоричным в некоторых вопросах, а Абакумову именно этих качеств и не хватало.

А теперь, когда папы не стало, по всей видимости, ему стало куда удобнее действовать в своих интересах.

– Пойдём ужинать, – предложила я, уворачиваясь от его рук. – Я хочу есть.

За столом он сел напротив меня. Отцовское место так никому и не хватало смелости занять. Даже присесть на его стул на минутку.

– Очень вкусно, Шура, – похвалил Дмитрий Алексеевич стряпню домработницы. – Солянка отменная.

Шура переставляла тарелки на столе, принесла корзинку с хлебом, а в ответ на похвалу, коротко кивнула.

– Спасибо, Дмитрий Алексеевич. Утром будут любимые блинчики Марьяны. Вы на завтрак останетесь? – как бы между прочим поинтересовалась она.

А я кинула на Шуру предостерегающий взгляд. Правда, та на меня даже не взглянула. А Абакумов, тем временем, кивнул.

– Останусь.

Вот так вот. Моим мнением никто не поинтересовался.

Но разве не об этом я мечтала ещё полгода назад? Кажется, это было так давно, в прошлой жизни. Я была беззаботной, занятой лишь своими чувствами и эмоциями, а все проблемы решал папа. Я о проблемах вовсе не думала.

– Что ты скажешь дома? – осторожно поинтересовалась я, когда Шура вышла из столовой.

– Правду, – ответил он, продолжая сосредоточенно жевать. Затем кинул на меня внимательный взгляд исподлобья. – Мне кажется, пора, Марьяна.

Я промолчала. Молчание длилось около минуты, после чего Дмитрий Алексеевич деловито продолжил:

– Я считаю, что тебе не следует больше встречаться с этими людьми. Нужно переговорить с Пал Палычем, чтобы он собрал информацию. Побольше информации.

– И что дальше?

– Я думаю, что он решит всё. Сможет договориться.

Я ковыряла вилкой салат. Раздумывала, затем усмехнулась.

– Сколько ты хочешь предложить им денег?

Абакумов дёрнул плечом.

– Не знаю. Это зависит от того, что узнает Пал Палыч. В какой финансовой заднице они находятся. – Он посмотрел на меня, ободряюще улыбнулся. – Уверен, мы отделаемся малой кровью.

– Сколько, вообще, стоит молчание бывшей жены Александра Дегтярева? – якобы в задумчивости проговорила я.

А Димка тут же нахмурился и попросил:

– Не нагнетай, пожалуйста.

– Дима, я хочу сама с ней встретиться, – сказала я.

– Не выдумывай, – в легком раздражении отмахнулся он.

– Она моя мать, Дима.

Он в раздражении выдохнул.

– Я считаю, что это ошибка, Марьяна.

– Это неважно. Мне нужно её увидеть... познакомиться.

– И что ты хочешь от неё услышать?

– Это неважно, Дима. Я хочу услышать хоть что-то. Хочу разобраться.

– Я против, – выдал он резким тоном.

А я, признаться, в растерянности моргнула.

– В каком смысле?

– В прямом. И я думаю, что со мной все согласятся.

– Кто?

– Лысовский. Шура. И Пал Палыч тоже.

– Причем здесь Пал Палыч? – развела я руками.

– Он отвечает за твою безопасность, Марьяна.

– Считаешь, что меня там убивать станут? – не удержалась я от усмешки.

– Нет, конечно, – ровным голосом проговорил Дмитрий Алексеевич. – Но ограбят, глазом не моргнут.

– Может быть, – не стала я с ним спорить. – Но это моё право – встретиться с родственниками. А ты, милый, мне не муж, чтобы что-то запрещать, – закончила я в возмущении. Я из-за стола поднялась, допила залпом вино из бокала. И оповестила: – Я иду спать. А ты можешь отправляться к Пал Палычу, выдать ему дополнительные инструкции. Кого ко мне подпускать, а кого нет. По твоему мнению.

Как же я на Димку разозлилась. За его трезвые суждения, на которые он, по сути, права не имел.

А с матерью я всё равно встречусь, я так решила. И только после этого буду раздумывать о том, какое решение принять.

ГЛАВА 4

– Ты на меня злишься?

Само по себе, проснуться в своей постели в доме отца, не одной, было странным. А тут еще Димка решил, едва я успела открыть глаза, обсудить со мной вчерашнее недопонимание. Хорошо хоть я лежала к нему спиной, и Дмитрий Алексеевич не мог видеть моего лица. Я глаза открыла, почувствовала, как он обнял меня, чуть навалился сзади, и задал этот вопрос. И я в тот же момент поняла, что совсем не рада его присутствию рядом.

Что со мной происходит?

Кажется, переживания об отце, вытеснили из моей души все остальные чувства, радости и печали. Ещё совсем недавно я жила лишь эмоциями, связанными именно с Димой. С нашей непростой, как мне казалось, ситуацией. Я любила, я мучилась, ждала, терзала себя чувством вины и снова ждала. Нашей с ним встречи, звонка, сообщения. Моя жизнь последние два года проходила в этом бесконечном ожидании. И я радовалась, когда видела его, я была уверена, что люблю его. А теперь уже ни в чем не уверена. И то, как резко сменилось моё настроение, мои чувства, приводило меня в недоумение.

Но так ведь не может быть, говорила я сама себе. Скорее всего, это просто стресс. Сильнейший стресс из-за смерти

отца. Пройдёт немного времени, и всё непременно наладится. И мои чувства, не только к Дмитрию Алексеевичу, но и ко всему остальному миру, вернутся. Надо только подождать, дать себе время.

А пока не срываться, не ссориться, держать свои эмоции под контролем, как говорил отец.

Поэтому я выдавила из себя улыбку, и ответила:

– Не злюсь, Дима.

Абакумов пристроил подбородок на моём плече. Стало неудобно, даже немного больно, но я терпела.

– Хорошо. Я не люблю с тобой ругаться. Когда мы ругаемся, мне кажется, что мир начинает в другую сторону крутиться. – Он взглянул на мою сонную физиономию. – У тебя нет такого ощущения?

У меня такого ощущения не было, но я интуитивно знала, что в данный момент лучше согласиться с ним. Поэтому кивнула.

– Есть. – И продолжила вполне искренне. – Я тоже с тобой ругаться не люблю.

Правдой было то, что я, вообще, ругаться не любила, в принципе, ни с кем. Но зачем Димку расстраивать уточнением деталей.

Я аккуратно пошевелила плечом, и он отодвинулся. Снова откинулся на подушки, закинул руку за голову, выглядел вполне себе довольным жизнью. А я не утерпела и спросила:

– Что ты скажешь дома?

Абакумов перевел на меня взгляд.

– По поводу чего?

– По поводу, своего отсутствия дома этой ночью, – подсказала я.

Он удержал мой взгляд. Спросил:

– Тебя это беспокоит?

– Вообще-то, да, – призналась я. На постели села, спустила ноги на пол, собираясь встать с кровати. Потянулась за халатом. – У тебя хорошая жена, Дима, – вырвалось у меня. Я, на самом деле, так думала, и уже давно. И эта мысль не давала мне покоя.

– Никто и не говорит, что она плохая, – не стал он спорить. Но тон его был очень ровным, будто Абакумов обдумывал каждое своё слово. И сказал, подтверждая мои выводы: – Хорошая. Но дело ведь не в этом, Марьяна. Ты должна понимать.

Я обдумала его слова, после чего кивнула.

– Понимаю.

Я с постели поднялась, прошла в ванную комнату, остановилась перед зеркалом, не прикрывая за собой дверь. Димка, судя по всему, душевную беседу со мной ещё не прекратил. Следил за мной взглядом, и продолжал подбирать слова. Я видела это по его глазам. Что он осторожничает. И меня это расстраивало.

Сама по себе ситуация, в которую я оказалась втянута из-за своей дурацкой влюбленности, меня расстраивала, и уже

давно. Но я не признавалась в этом очень долго, даже самой себе.

– Оксана – хороший человек, – зачем-то продолжил он, хотя, это уже было, откровенно, лишним. – Она хорошая жена, хорошая мать, хозяйка замечательная. Но дело ведь не в том, насколько человек хороший. Ты меня понимаешь?

Я смотрела в глаза своему отражению в зеркале. И вдруг Димкины слова отозвались где-то глубоко, в каком-то темном, я бы даже сказала, потаенном уголке моей души, куда я давно не заглядывала. И стало тоскливо, что я даже глаза ненадолго зажмурила.

– Дело в том, кого ты на самом деле смог полюбить, – продолжил Абакумов. – С некоторыми людьми это случается лишь один раз в жизни. А всё остальное... мы переживаем лишь похожее.

Какие глубокие, трогательные речи.

Я так сильно зажмурила глаза, всего на какие-то секунды позволила себе уйти в себя, что даже не заметила, что Дмитрий Алексеевич успел подняться с постели, и теперь стоит за моей спиной. Наверное, мою реакцию на его слова, он воспринял на свой счёт. И это было абсолютно нормально. И, наверняка, его порадовало. Какому мужчине не понравится, когда женщина так реагирует на его близкое присутствие, слова, действия? Вот и Абакумов меня обнял, крепко, потянулся губами к моим губам.

– Я встретил тебя, – шепнул он мне. – Разве в этом кто-

то из нас виноват? Я тебя люблю, солнышко. — Димка взял меня за подбородок, заглядывал в лицо, и мне пришлось открыть глаза, чтобы встретить его взгляд. Я знала, что он хотел именно этого. Моего прямого взгляда, чтобы понять, насколько я прониклась его признаниями. А я вдруг испугалась, что он так и не сможет увидеть в моих глазах то, что ищет. И чтобы как-то этого конфуза избежать, приподнялась на цыпочки, обхватила Димку руками за шею, и поцеловала. Поцеловала крепко, поцеловала провокационно, лишь бы отвлечь его.

Отвлечь получилось, Дмитрий Алексеевич уже спустя минуту подхватил меня на руки и понёс обратно в постель. А я, наверное, впервые за всё время наших отношений, не занималась с ним любовью, не отдавалась ему в полной мере, а всё больше смотрела в потолок над его плечом. Дмитрий Алексеевич, голый, разгоряченный лежал на мне, шептал мне на ухо, как сильно меня любит, что я женщина, которую он всю жизнь мечтал встретить, а я лежала и думала, насколько это неправильно — заниматься с ним сексом под крышей этого дома.

Страшные глупости, на уровне бреда, но я никак не могла принять тот факт, что жизнь моя изменилась настолько, что я стала хозяйкой отцовского дома. И Димка, отчего-то, в этом доме мне страшно мешал. И делал непозволительные вещи.

После секса мы лежали рядом, обнявшись, Дмитрий

Алексеевич гладил моё тело, я прятала лицо у него на груди, но совсем не потому, что никак не могла отойти от полученного удовольствия и неги, я продолжала расставлять в своей голове по полочкам свои чувства и ощущения. По крайней мере, пыталась.

Наверное, моё долго молчание Абакумова всё-таки настояжило. Потому что он в какой-то момент спросил:

– Марьяна, всё хорошо?

Я немного отодвинулась от него, посмотрела ему в глаза. Широко улыбнулась.

– Да. Всё хорошо.

Я села, а Димка потянулся рукой за мной, погладил по голой спине.

– Марьяна, я тебе клянусь, я всё решу. В самом скором времени.

– Что решишь? – решила я уточнить.

– Поговорю с Оксаной. Ты права, давно мне говорила, что нужно ставить точку в отношениях, в которых тебе некомфортно.

– А как же дети, Дима? – спросила я, направляясь в ванную.

– Дети... – проговорил он за мной эхом, при этом в его голосе прозвучало сомнение, я заметила. Но Абакумов тут же взбодрился: – А что дети? Дети подросли. Да и я же не собираюсь исчезать из их жизни, – с энтузиазмом продолжил он. – Буду заботиться, буду помогать. Буду делать всё то, что

и делал. — И, повысив голос, чтобы я услышала, поинтересовался: — Ты что думаешь?

Я задержалась, прежде чем войти в душевую кабину. Размышляла, а затем дала ему совет, от души:

— Я бы для начала поговорила с детьми. Выяснила, что они думают, по поводу вашей семьи.

— А что они могут думать? — удивился Димка. — Они же дети.

— Которые привыкли жить с мамой и папой. А вдруг у них будет серьёзный стресс? Или психологический срыв? Думаю, тебе нужно подойти к этому вопросу очень осторожно, Дима. Чтобы никому не навредить.

Я закрыла за собой дверь душевой кабины и включила воду. А когда повернула голову, увидела, что Димка стоит в дверях ванной комнаты, и за мной наблюдает.

— Марьяна, ты беспокоишься о детях, — спросил он, — или пытаешься дать мне понять, что я в отношениях с тобой тороплюсь?

Подумать только, сколько прозорливости. Раньше Дмитрий Алексеевич в этом замечен не был.

Я приоткрыла дверь кабины, глянула на него.

— Я беспокоюсь о детях, Дима. Я сама жила в неполной семье, знаю, что это такое. Да ещё неизвестно, как отреагирует твоя жена. — Я хмыкнула. — Знаешь, мне кажется, она настолько тебя любит и тебе доверяет, что ей не приходит в голову сомневаться в твоей честности. Наверное, и сегодня

она безоговорочно поверит, что ты настолько вчера устал, что заснул в офисе.

Я дверь снова прикрыла, но всё равно слышала Димкины слова:

– Сегодня я ей врать не собираюсь.

Отвечать я не стала. В конце концов, это не моя семейная жизнь.

Но я для себя такой жизни точно не желаю.

Шура испытывала неловкость, кормя Абакумова завтраком. Я видела это по её лицу, по её сосредоточенным движениям, по тому, с каким пристрастием она подавала Дмитрию Алексеевичу кофе. И наблюдала за ним, когда Абакумов, позавтракав, поднялся из-за стола, подошёл ко мне, наклонился, и запечатлел на моём лбу хоть и скромный, но совсем не отеческий поцелуй.

– Мне нужно в офис. Ты останешься дома?

Я кивнула. Закинула голову назад, Димке улыбнулась.

– Да. Останусь дома.

Он в мои глаза смотрел, затем попросил:

– Пожалуйста, не делай глупостей. Останься дома, отдохни. Последние дни выдались тяжёлыми. А я приеду вечером, и мы с тобой куда-нибудь ходим.

Обещать я ничего не стала, лишь удерживала на губах улыбку. Кажется, Дмитрий Алексеевич в своей голове уже нарисовал нашу с ним совместную жизнь. В этом доме, с определенным укладом светских мероприятий, с его ра-

ботой на определенной должности. Со штампом о разводе в своём паспорте.

– Он что же, Марьяна, жить у нас будет? – осторожно поинтересовалась у меня Шура, когда Абакумов уехал.

Шура убирала со стола посуду, оставшуюся после завтрака подзадержавшегося, как она считала, гостя, и на меня, молчаливую и задумчивую, поглядывала. Я перевела на неё взгляд. Помолчала, будто и, правда, задумалась над её вопросом. Потом сказала:

– Не будет. Не переживай.

Шура тут же фыркнула.

– Ведёт себя, как хозяин. Как ещё только на стул Александра Гавриловича не сел. Прости, но я бы его полотенцем по хребтине прогнала.

Я посмотрела на пустующий отцовский стул. Сказать мне по этому поводу было нечего, поэтому я резко из-за стола поднялась.

– Шура, я буду у отца в кабинете. Позови ко мне Пал Палыча. Он мне срочно нужен.

– Позову, – согласилась она, а сама на меня продолжала поглядывать с настороженностью. И поинтересовалась: – Марьяна, ты что задумала?

– Правду хочу знать, – не стала я скрывать.

– Какую ещё правду? – обеспокоенно проговорила Шура, но я уже ушла в кабинет и прикрыла за собой дверь.

– Нехорошая это затея, Марьяна, – скривился начальник

охраны, когда я озвучила ему свою просьбу. – Я думал, ты сама уже всё поняла, и не полезешь в это дело. Лысовский же тебе ясно сказал: ни к чему.

– Мало ли что мне Лысовский сказал, – взбунтовалась я. – Мне самой надо всё выяснить, своими глазами посмотреть. – Я, как в детстве, стукнула кулачком по столу. – Дядя Паша, найди мне её. Хочу увидеть, хочу поговорить, хочу во всём сама разобраться.

Рыков вздохнул напоказ. И тут же пожаловался:

– Глупость делаем. Не разгребем потом.

– Разгребем, – легкомысленно отмахнулась я. Улыбнулась ему. – Ты же меня защитишь, при необходимости.

Пал Палыч головой качнул.

– Лиса, – проговорил он. – Всегда такой была. С детства. Александр Гаврилович всегда говорил: другие дети капризами и истериками своего добиваются, а ты улыбкой. А это опаснее, говорил он! – закончил Рыков, назидательно ткнув пальцем в потолок.

– Для кого опаснее? – заинтересовалась я.

– Для мужиков, для кого, – удивился он.

Я легкомысленно отмахнулась.

– Черт с ними, с мужиками. Будем решать проблемы по мере поступления. А нам сейчас не до мужиков. Верно?

– Я бы эти слова этому хлыщу передал. Который решил к нам приквартироваться.

– И ты туда же, – вздохнула я. – Вы с Шурой сговорились,

что ли?

— Мы беспокоимся. Не нравятся нам типы, которые очень быстро просчитывают варианты и переобучаются в полёте.

— Мне тоже не нравятся, — сказала я. — Так что, не переживайте. — И закончила: — Иди, ищи Лилю.

— А что её искать-то? — проворчал Рыков. — А то я не знаю, где эта девица живёт в Москве. Всё я знаю.

— Вот и отлично. Тогда нечего ворчать. Поедем, как только я соберусь.

Пал Палыч снова вздохнул, на этот раз мне в спину. И снова пожаловался:

— Ох, не дело делаем. Ох, не дело.

Лиля, как и говорила, жила у подруги. Я бы сказала, что не в таком и близком Подмосковье. Я так далеко, наверное, и не заезжала. В спальные районы, в смысле. Смотрела в окно, не узнавая ни одной улицы, а Пал Палыч ещё обернулся ко мне с переднего сидения и недовольно проговорил:

— Не следовало тебе ехать, Марьяна. Я бы и без тебя её привёз.

Я лишь плечами пожала.

— Хочу посмотреть. Ничего плохого в этом нет.

— На что посмотреть?

— На жизнь. На жизнь обычных людей.

Рыков от меня отвернулся, на сидении поёрзал, всё с таким же недовольным видом.

— Не для этого Александр Гаврилович тебя растил. Не для

обычной жизни.

– Но это же не значит, что её нет, Пал Палыч. Вот она, за окном. Обычные дома, обычные люди. А я, если это и видела, только по телевизору. Ты не думаешь, что это как-то неправильно?

Пал Палыч с водителем переглянулись. На двоих одинаково непонимающий взгляд.

– Ты – Марьяна Дегтярева, – выдал Рыков с оттенком пафоса.

Я фыркнула, говорить больше ничего не стала. Продолжила смотреть в окно. А сама думала о том, что моё имя становится печатью на моём лбу. При жизни отца я об этом как-то не задумывалась, а сейчас осталась единственным представителем семьи. И все тыкают в меня пальцем – Марьяна Дегтярева, наследница огромного состояния и финансового холдинга. А я притворяюсь, что понимаю, что со всем этим делать.

– Останься в машине, – едва ли не скомандовал Пал Палыч, когда мы остановились перед панельной многоэтажкой. И кто здесь начальник, интересно? Точно, не я.

Спорить я не стала, осталась сидеть в машине. Водитель Коля, недавнее приобретение Рыкова, осторожно отпросился у меня покурить. Я кивнула, и осталась в машине одна. Смотрела из окна на будничную жизнь двора в спальном районе. Вот дети играют, чуть поодаль женщина в возрасте и в ярком халате выгуливает пекинеса, какой-то мужчина ко-

пается во внутренностях старенькой иномарки. Мне никогда раньше не приходило в голову, что у меня тоже вполне могла быть такая жизнь. В свете последних новостей, если бы моя мать не оставила меня безропотно с отцом, а забрала бы меня с собой, моя жизнь была бы куда более прозаичной.

Хотя, не думаю, что отец позволил бы этому случиться. При любом раскладе.

– Нет её, на работе, – отрывисто сообщил Пал Палыч, возвращаясь в машину. Сел и дверью хлопнул.

А я удивилась.

– Она работает?

– А что ей делать? Кормить её никто не будет. – Он посмотрел на водителя. – За углом работает, в фаст-фуде. – На меня обернулся, и поинтересовался с надеждой на мой отрицательный ответ: – Поедем туда?

– Конечно, – решительно кивнула я. – Не зря же мы приехали.

– По-моему, совершенно зря. Коля, поезжай. На перекрестке направо.

Заведение известной сети фаст-фуда завлекало своей огромной вывеской на фасаде большого торгового центра. Наш автомобиль встал на стоянке, я вышла на улицу, огляделась, и ещё раз сказала себе, что никогда в этом районе не была.

– Не была и не была, – хмыкнул Рыков. – Зато ты в Милане была. И еще где только не была.

– Прозвучало с издевкой, – заметила я, направляясь к входу в торговый центр.

В зале ресторана пахло булками, маслом и приправами. Совсем не мясом. Было достаточно многолюдно и шумно. Я оглядывалась по сторонам, а Пал Палыч сказал:

– Вон она, – и кивком указал в нужную сторону.

Лиля нашлась за одной из касс. Если честно, я бы с первого взгляда её и не узнала. При нашей прошлой встрече, она была одета достаточно смело, да и покрашена ярко. А за кассой стояла в униформе, практически без косметики, и в смешной панамке на голове.

– Ваш заказ номер 43, – услышала я её голос, когда подошла ближе. – Что-то ещё желаете заказать? Соус, напиток?

– Привет, – сказала я ей, когда подошла моя очередь. Если честно, больше не придумала, как привлечь её внимание, да и народ толпился у стойки.

Лиля подняла на меня глаза, удивлённо моргнула. Но почти тут же нахмурилась и совсем невежливо поинтересовалась:

– Что нужно?

– Поговорить хочу.

– Я занята, я работаю. Мне здесь разговаривать некогда.

– А долго ещё... ты работать будешь? – спросила я.

Лиля усмехнулась.

– У меня смена четырнадцать часов.

– Хватит выёживаться, – выступил вперед суровый Пал

Палыч. Слушал наш разговор, стоя у меня за спиной, и, по всей видимости, тон моей возможной родственницы, ему категорически не понравился. – Когда у тебя перерыв?

– Я не знаю, – зашипела она на него. – Это не я решаю. Вы заказывать что-то будете? Меня же оштрафуют.

Я бестолковым взглядом уставилась на стенд с меню.

– Что-нибудь, – проговорила я в нерешительности. – Закажи мне что-нибудь.

Пал Палыч решительно оттеснил меня плечом от кассы.

– Коля, найди для Марьяны место, и заказ её заberi. А я договорюсь... о перерыве для этой красотки, – буркнул он и растворился среди людей.

– Марьяна Александровна, пойдёмте за тот столик.

Коля усадил меня к окну, я чувствовала себя несколько неловко, понимая, сколько людей вокруг меня. Молодежи, детей, просто зашедших в обеденный перерыв перекусить. Разговоры, смех, какие-то непонятные звуки.

Передо мной поставили поднос, с чем-то, завернутым в хрусткую бумагу. Не подумайте, я прекрасно знаю, что такое фаст-фуд, и ела, и пробовала. Но сетевые точки никогда не посещала, не было, так сказать, необходимости. Коля сел напротив меня, посмотрел с какой-то дурацкой улыбкой, будто на несмышлёного ребенка, которого родители в первый раз в торговый центр за руку вывели.

– Хотите попробовать? – задал он столь же дурацкий вопрос.

Я взглянула на него с намёком.

– Коля, я знаю, что такое гамбургеры. – Я отодвинула от себя поднос в его сторону. – Ешь, я не буду.

Через несколько минут к нам присоединился Рыков. По-косился на жующего Колю, красноречиво поджал губы, после чего на меня посмотрел.

– Она освободится через десять минут. Здесь подождём или на улице?

– Коля обедает, – удивилась я. – Подождём здесь.

Рыков снова на подчинённого посмотрел, со всем своим пристрастием, и сказал тому:

– Приятного аппетита.

После пожелания таким тоном можно было подавиться. Коля же лишь нервно сглотнул. Поспешил кивнуть, и сказал:

– Спасибо.

Встретились с Лилей мы всё же на улице, на стоянке. Я расхаживала рядом с автомобилем взад-вперед, а Рыков с Колей бдительно поглядывали по сторонам. Понятия не имею, что высмотреть пытались. А потом появилась Лилия. Шла ко мне решительной походкой, стянула с головы панамку и небрежно сунула её в карман фартука. А ещё сигареты откуда-то достала, и, подойдя ко мне, закурила.

– Что ты хочешь? – совершенно невежливо поинтересовалась она.

Я окинула её худую фигурку быстрым взглядом. Без каблуков она показалась мне совсем маленькой, едва до уха мне

макушкой доставала.

– Лиля, мне потребовалось время, чтобы обдумать то, что ты мне сказала, – проговорила я заранее подготовленную фразу.

Лиля же в ответ усмехнулась.

– Правда? И что ты надумала?

– Как дам сейчас поджопник, – неожиданно подал голос Пал Палыч, бдительно прислушивающийся к нашей беседе. – Ты с кем разговариваешь?

Я укоризненно на него глянула, затем на Лилию посмотрела. Та, после угрозы, заметно нахохлилась, но пыл поубавила. Переспросила совсем другим тоном:

– Что ты хочешь мне сказать?

Конечно, на Пал Палыча можно было рассердиться, за его вольность, но после неё общаться с Лилей мне стало гораздо проще.

– Ещё раз поговорить, – сказала я ей. – Обсудить всё. Нам ведь есть, что сказать друг другу.

Лиля дёрнула плечом.

– Не знаю. То есть, понятия не имею, что нам с тобой обсуждать. Мы с тобой незнакомы. А вот мама хочет с тобой встретиться.

От этих её слов я занервничала. Не нашла ничего другого, как пообещать:

– Об этом тоже поговорим. Почему бы тебе не приехать ко мне?

– Когда?

– Когда у тебя будет свободное время.

– Вообще, у меня завтра выходной.

– Вот и отлично. – Я ободряюще ей улыбнулась. Даже мысленно никак не могла заставить назвать её сестрой. Даже в моём сознании это звучало дико. – Я пришлю за тобой машину.

Лиля, наконец, улыбнулась.

– Было бы круто.

Я посмотрела на молодого водителя.

– Коля за тобой завтра приедет.

Лиля на Колю посмотрела, я бы даже сказала, присмотрелась всерьез. Кивнула весьма благосклонно. А потом ко мне повернулась и попросила:

– А можно на какой-нибудь крутой тачке? Чтобы все обалдели?

– Специально приобретем для этого случая, – ядовито проговорил Рыков. И показательно взглянул на часы: – Марьяна Александровна, у вас через час встреча.

– Какая ещё встреча? – переспросила я у него, когда мы сели в автомобиль. Лиля возвращалась на рабочее место, я посмотрела её вслед.

– Косметолог, Марьяна. Или отменить?

Я моргнула.

– Ах, да. Я совсем забыла.

Косметолог, массажист, стилист.... Куча всяких важных

встреч в моей жизни. О которых я в последнюю неделю напроць позабыла.

– Поедем. Мне нужно расслабиться.

– Вот это правильно. А то занимаемся какой-то откровенной фигнёй.

– Пал Палыч! – не сдержалась я, и мы все замолчали.

Вечером приехал Абакумов, и совсем не обрадовался новостям о том, что я встречалась с новоявленной родственницей. А я, если честно, совсем не обрадовалась его приезду. Потому что не понимала, что всё это означает. Вторую ночь он ночует вне дома, вне семьи, а, значит, должен будет как-то объяснять своё отсутствие, тут уже не расскажешь, что случайно заснул в офисе. Или это значит, что он уже объяснился с женой, просто меня почему-то в известность об этом не ставит.

Наверное, мне нужно было задать конкретный вопрос, а я почему-то молчала. Не получалось у меня спросить. И от этого замалчивания, я чувствовала неловкость, себя виноватой чувствовала перед его женой, перед его детьми. Раньше Димка возвращался вечерами к ним, и мне, хоть и было тяжело, но казалось это правильным. А сейчас я не знала, как отреагировать. Но, судя по поведению Абакумова, самой правильной моей реакцией было именно молчание. Чтобы я приняла его присутствие в моём доме, рядом со мной, как само собой разумеющееся. И лишние вопросы не задавала.

Услышав про Лилю, Дмитрий Алексеевич откровенно поморщился.

– Зачем тебе всё это надо, Марьяна? – спросил он.

Я подумала над своим ответом.

– Наверное, за тем, что это моя мать. Какая бы она ни была. Я хочу её узнать. И, наверное, для того, что они с Лилей мои единственные родственники.

– Родственники, – недовольно проговорил Абакумов. – Которым нужны твои деньги.

Я вздохнула, не скрываясь.

– Всем нужны мои деньги.

Димка остановился посреди комнаты, ко мне присмотрелся.

– На что ты намекаешь? – спросил он.

Я якобы непонимающе моргнула.

– Я? Ни на что. Констатирую факт. Порой думаю, что гораздо проще было бы без денег, и без наследства.

Дмитрий Алексеевич взглянул на меня с насмешкой.

– Глупенькая. Ты даже понятия не имеешь, что это за жизнь. С кучей проблем, в постоянном безденежье.

– Можно подумать, ты знаешь, Дима.

– Бог миловал, – хмыкнул он. – Но для этого, знаешь ли, понадобилось приложить много усилий. Не искал я обеспеченных родственников.

– Пожалуйста, не начинай, – попросила я. – Никто не виноват, что так сложилось. Но, если всё правда, то где-то жи-

вёт женщина, которая меня родила. Понимаешь? Как я могу не думать об этом?

Димка стоял у окна, недовольно поджав губы, но, в конце концов, согласно кивнул.

– Ты права. Это для тебя важно. – И вроде как разрешил: – Познакомься с ней.

Его тон меня царапнул. Разрешения я, вроде как, не спрашивала, лишь делилась с ним своими мыслями. А тут такое высочайшее соизволение. Занятно.

– Когда встреча с нотариусом? – спросил он.

– На следующей неделе, – ответила я, продолжая раздумывать о своём.

Абакумов нахмурился.

– Почему он тянет?

Я плечами пожала.

– Понятия не имею. Я, вообще, обо всём этом понятия не имею.

– Странно, – проговорил он. – Я завтра выясню.

– Дима, мне кажется, всё должно идти своим чередом. Нотариус сообщил, что ему нужно время, чтобы согласовать определенные моменты.

– Какие ещё моменты, Марьяна?

– Я не знаю.

– И тебя это не беспокоит?

Я головой покачала.

– Нет, не беспокоит, – честно призналась я. – Он ведь про-

фессионал, ты же знаешь.

– Любого профессионала можно подкупить, Марьяна, – с определенным намеком заметил Дмитрий Алексеевич.

Теперь уже я взглянула на него с недоумением.

– В каком смысле?

– В том, что слишком много желающих на твоё наследство.

– Но это же моё наследство, – удивилась я. – Наследница я единственная. Так что...

Дмитрий Алексеевич вздохнул напоказ, будто я сказала невыносимую глупость.

– Я всё-таки позвоню завтра нотариусу, – сказал он, в конце концов.

А я хмыкнула в сторону. И вроде как невинно, поинтересовалась:

– На каком основании?

– Что?

Я на него посмотрела.

– На каком основании ты позвонишь нотариусу, Дима? Что ты ему скажешь? И почему ты думаешь, что он станет с тобой общаться? – Я руками развела. – Ты ведь к этой ситуации никакого отношения не имеешь.

Он замолчал на некоторое время. Видимо, пытался сообразить, что мне сказать. В итоге, решил обидеться.

– Марьяна, я забочусь о твоих интересах.

– Я понимаю, – не стала я спорить, и даже примиритель-

но улыбнулась. – Но это не меняет факта того, что нотариус не станет с тобой общаться.

Я отвернулась от него, а Дмитрий Алексеевич подошёл к дивану, на котором я сидела, наклонился ко мне, дышал мне в шею.

– Марьяна, – позвал он. – Ты на меня злишься?

Я головой качнула.

– Нет. Просто пытаюсь рассуждать трезво.

Димка голову ниже склонил, прижался лбом к моему виску. Жарко подышал мне в ухо.

– Я ведь стараюсь всё исправить, – проговорил он. Я промолчала. – Я хочу о тебе заботиться. Кто ещё это сделает?

Я глаза прикрыла. А Абакумову сказала:

– Спасибо. Я это ценю. – Я немного отодвинулась. – Но ты же знаешь, что я права.

Он выпрямился, проговорил с недовольством:

– Да, понимаю. И мне это не нравится. Наверное, пришла пора этот момент исправить.

– Что именно? – не поняла я.

Его пальцы коснулись моих волос.

– Наше неопределенное положение.

Вот так так. Кажется, Дмитрий Алексеевич налету подхватил знамя и понёсся вперед, как угорелый. Решает всё с наскока. Я даже некое беспокойство от его решительности ощутила.

Утром приехала Лиля. Я ждала её приезда, но под уко-

ризенным взглядом Дмитрия Алексеевича, делать это было не слишком комфортно. Он и на работу этим утром не торопился, видимо, специально поджидал встречи с новой родственницей. Не спеша завтракал, просматривал новости, перебирал какие-то бумаги за столом, и всё на меня посматривал. Я пила вторую чашку кофе, и ждала. Если честно, то мысленно разрабатывала стратегию своего поведения. Как мне следует вести с себя с сестрой? По-родственному вряд ли получится, нужно, хотя бы, с дружбы начать. Поэтому, когда Лиля появилась, я поднялась ей на встречу и улыбнулась. Сказала:

– Привет.

– Привет, – отозвалась Лиля, её тон прозвучал несколько настороженно. Наверное, из-за того, что она заметила за столом Абакумова. Тот поднял на родственницу глаза, окинул цепким взглядом. И приветливым совсем не выглядел.

– Проходи к столу, – пригласила я. – Ты завтракала?

Лиля сегодня была одета более смело, короткая кожаная юбка, яркая кофточка, босоножки на платформе и маленькая сумочка с немыслимыми стразами. Я невольно задалась вопросом, в каком магазине она одевается. Но вопрос был явно лишним, достаточно неприличным и невежливым, поэтому вслух я его не озвучила. Каждый имеет право самовыражаться, как считает нужным. В конце концов, одета она в рамках приличий, просто... у девушки своеобразный вкус.

– Кофе выпила, – сказала Лиля. И тут же добавила: –

Из банки.

– У нас хороший кофе, Шура варит. Садись за стол, не стесняйся.

– Да я не стесняюсь, – проговорила Лиля, а сама снова на Димку покосилась.

– Это Дмитрий Алексеевич, – представила я его, заметив интерес сестры. – Мой... – тут вышла некоторая заминка, я думала, кем Абакумова представить, но тот меня опередил и сказал:

– Жених.

Я на него посмотрела, но решила не спорить. Жених, так жених. Ему, наверное, виднее.

Лиля молча смотрела на него, затем кивнула. Видимо, это означало, что знакомство ей приятно, и окончено.

– Дима, это Лиля, – порадовала я тем временем «жениха». Выговорить «сестра» у меня тоже как-то не получилось.

Я налила ей кофе, придвинула тарелку с булочками.

– Ешь.

Она окинула взглядом накрытый к завтраку стол, негромко хмыкнула.

– Вы всегда так завтракаете?

– Да, – растерялась я. – А что?

– Да так, ничего, – снова усмехнулась она.

– Девушка хочет сказать, что её привычный завтрак от нашего сильно отличается, – пояснил Дмитрий Алексеевич. И обратился напрямую к ней. – Правда, Лиля?

– Правда, – кивнула та. И тут же поинтересовалась с вызовом: – А ты хочешь по этому поводу высказаться?

Дмитрий Алексеевич тут же поморщился. На меня взглянул с намёком.

– Марьяна, я тебя предупреждал.

Конечно, их короткая стычка мне совсем не понравилась. Я и без того с трудом предугадывала каждое слово и движение Лили, и не знала, как себя вести, а тут ещё Абакумов со своими язвительными замечаниями.

– Дима, почему бы тебе не поехать на работу? – мягко поинтересовалась я. – Уверена, там необходимо твоё присутствие.

– Марьяна, – начал он, но я его перебила:

– Нам с Лилей есть, о чём поговорить. Между нами, девочками. Поезжай, милый.

Абакумов моей настойчивой просьбе внял, но для начала кинул взгляд на свои дорогушие часы на запястье, после чего согласно кивнул и поехал.

– Ты права. У меня в двенадцать совещание, нужно ещё повестку дня согласовать. – Он обошел стол, приблизился ко мне, наклонился и запечатлел на моём лбу крепкий поцелуй. – До вечера, дорогая.

Прозвучало настолько пафосно, будто в старом кино. Но Дмитрий Алексеевич, судя по всему, был собой доволен. А вот Лилию он удостоил тяжёлого взгляда. Было понятно, что её присутствию в этом доме, он совсем не рад.

Лиля проводила Абакумова взглядом. Я осторожно наблюдала за ней, и видела, что в её глазах возмущения, злости или презрения в его адрес нет. Она смотрела настороженно, но с интересом. А когда голову повернула, поняла, что я за ней наблюдаю. И хмыкнула.

– Он, на самом деле, твой жених?

– Вроде того, – неопределенно ответила я.

А вот Лиля определилась мгновенно. Улыбнулась мне.

– Ты с ним спишь, – сказала она. – А парень думает, что женихается.

– Это несколько бестактное замечание, – заметила я.

– Но я ведь права? – Она взяла ещё одну булку с тарелки, потянулась за джемом в вазочке.

– Всё несколько сложнее, знаешь ли.

– Да это понятно, что сложнее. Он шикарный мужик, ты тоже не за углом себя нашла. В него вполне можно влюбиться. Наверное, подарки дарит, и в постели хорош. Но, по натуре, пакостный мужик.

– С чего ты взяла?

Она плечами пожала.

– По нему видно. Взгляды, жесты, поцелуйчики эти, – Лиля, не скрываясь, ухмыльнулась, – в лоб. Кого целуют в лоб?

– Детей, – подсказала я.

Лиля кивнула и совершенно ровным голосом выдала свою версию:

– Покойников.

– Лиля, что за глупости ты говоришь? – Я не знала, то ли мне смеяться, то ли возмущаться.

– Если меня парень в лоб поцелует, я, наверное, ему в лоб в ответ и дам. Но у вас всё по-другому. Всё чинно, благородно. По-старому. Мне не понять. Я на улице выросла.

– Что значит, на улице?

Лилия плечами пожала.

– Как все. Провинция, окраина города. Из школы придешь, учебники бросишь и бегом на улицу. До самой ночи.

– А как же... твои родители?

– А что родители? – удивилась она. – Родители на работе. А когда не работают, у них своих дел полно. А за детьми разве уследишь?

Я её выслушала. Моё детство было совсем не таким. Закрытая школа, водители и охрана, даже школьные вечеринки проходили под присмотром и очень благопристойно. У меня не было ни единого шанса куда-то улизнуть и что-то натворить. Хотя, возможно, и была такая возможность, но мой характер не дал мне об этом даже задуматься. К тому же, сколько себя помню, за мной всегда ходил охранник, это было обязательное условие, даже когда я повзрослела настолько, чтобы уехать учиться за границу на пару лет. Я давно воспринимала это, как само собой разумеющееся, и никогда не спорила. Я ведь переживала о папином спокойствии, не хотела его волновать.

– А сейчас? – вырвалось у меня.

– Что сейчас? – переспросила Лиля.

– Родители. Как они сейчас живут?

Лилия пожала плечами.

– Да так же, как и всегда. Как кошка с собакой. Работают, выходные на даче проводят. У бабки дача за городом. – Лилия невольно окинула взглядом просторную, светлую столовую. Её губы снова искривились в усмешке, в этот раз неуверенной. – Конечно, наша дача от вашей отличается. Шесть соток и домик из фанеры.

Я слушала Лилию, вспоминала женщину на фотографиях в своём альбоме, свою маму. Хрупкую, с милой улыбкой, с шикарной копной волос, с ухоженными руками, и в моем сознании никак не сопоставлялось с тем, что я слышала. Каждодневная работа, приусадебный участок, муж, с которым она много лет живёт, как кошка с собакой.

– Лилия, – аккуратно начала я. – Тебя, правда, попросила... твоя мама меня найти.

– Конечно, – уверенно кивнула она. – Откуда, по-твоему, я могла узнать, где, вообще, тебя искать? И кто ты такая? Мама об этом никогда никому не рассказывала. Только когда услышала по телевизору, что твой отец умер, вот тогда мне и рассказала всё, как есть. И попросила с тобой встретиться.

– Работу ты быстро нашла, – вроде бы похвалила я.

– В Москве работы полно. Для таких, как я.

– Для таких, как ты?

– Которые за любую работу схватиться готовы. Москвичи

крепко подумают о зарплате в тридцать-сорок тысяч, а для нас, приезжих из провинции, это огромные деньги.

Я покивала с пониманием. Хотя, всё, что я слышала от неё, да и само близкое присутствие этой девушки, здорово выбивало меня из колеи. До сих пор не могла поверить, что это моя сестра. А в паре сотен километров от Москвы живёт моя мать, совершенно живая и здоровая.

Я ещё раз окинула её изучающим взглядом.

– Знаешь что, – проговорила я, – сегодня мы точно никуда не поедem, так, почему бы нам не провести этот день вместе? Пройдёмся по магазинам, пообедаем где-нибудь. Мы ведь не чужие люди, нужно узнать друг друга получше.

Лиля посмотрела на меня, после чего сказала, не собираясь таиться:

– С тобой, наверное, интересно по магазинам ходить. Ты богатая.

Я выдавила из себя улыбку.

– Вот и проверим.

ГЛАВА 5

– Зря ты всё это затеяла, – ворчал Дмитрий Алексеевич вечером того же дня.

Мы с Лилей вернулись из города, как раз перед его возвращением с работы. И его регулярные появления вечерами уже всерьёз меня настораживали, но я не знала, что сказать ему, что спросить. Странная, неловкая, тупиковая ситуация.

– Что именно? – переспросила я.

– Эти игры в родственные связи. Говорю тебе, Марьяна, ничем хорошим это не закончится.

– Меня это отвлекает, – честно сказала я ему.

– Не спорю. Но, мне кажется, лишним осыпать эту девочку всяческими материальными благами. Ты уже накупила ей кучу шмоток, сводила к стилисту, в хороший ресторан. Наверное, пора остановиться, а то у неё сердце не выдержит. Хотя, у таких, как она, точно выдержит. Им чем больше, тем лучше.

– Она не такая плохая, Дима.

– Правда?

Я уверенно кивнула.

– Да. Я провела с ней целый день. Конечно, у нас совершенно разное воспитание, но и жизни наши совершенно разные. У Лили прорехи в воспитании, образовании...

– Если оно, вообще, есть, – ядовито заметил Абакумов.

Я руками развела.

– Подозреваю, что у неё за плечами только школа.

– Классов семь.

– Перестань, пожалуйста, – попросила я его.

– Ты оставила её ночевать в доме, – шикнул он на меня.

– А нужно было отправить её на ночь глядя на окраину

Москвы?

– Нужно было посадить её на метро ещё в городе.

Я остановилась перед ним, взглянула со всей серьёзностью.

– Дима, а если она, на самом деле, окажется моей сестрой, ты будешь относиться к ней так же, как и сейчас?

– А я ничего плохого не сказал. Хотя, и мог бы. Но ты же сама понимаешь, Марьяна, что между вами пропасть.

Я вздохнула.

– Её воспитывала женщина, которая меня родила. И когда-то отец не считал, что между ним и нею пропасть. Значит, всё не так плохо?

На это Абакумов не нашёлся, что ответить, и заметно разозлился.

– Понятия не имею, что всё это значит, и насколько всё плохо, – проговорил он в недовольстве. – Но чувствую, что всё плохо закончится. – И добавил: – Я поручил Пал Палычу приглядывать за ней. Чтобы никому особо не звонила, и не делала фотографий.

Я фыркнула. Во-первых, из-за того, что Димка что-то «по-

ручил Пал Палычу». Думаю, что если Пал Палыч по поводу поручения спорить и не стал, то только потому, что сам всё это уже делал. А, во-вторых, потому, что не знала, как реагировать на высокопарный тон Дмитрия Алексеевича. Он, вроде бы, заботился о моих интересах, но, в то же время, делал это чересчур навязчиво и, явно, опережал события. Как утром высказалась Шура: пятой точкой насест нащупывает, но насест не про его честь. Я посмеялась над её художественными оборотами, но, если честно, подумала о том, что она права. Дмитрий Алексеевич старательно примеривает на себя роль, если не моего мужа, то роль жениха. И скрывать наших с ним отношений больше не желает.

А у меня его намерения вызывают обеспокоенность и нечто сродни отторжению. Наверное, потому, что время он выбрал крайне неудачное, для своей заботы, решительности и проявления намерений. Когда я ждала от него той самой решительности, он струсил. Что скрывать, правда? Он струсил. Перед моим отцом, перед своей женой, перед трудностями и всеобщим осуждением. Может быть, у меня тоже были сомнения определенного характера, то же самое чувство вины, и я не настаивала. Правда, я ждала действий с его стороны. Но так ничего и не дождалась. А после того, как папы не стало, та скорость, с которой набирала обороты решительность Абакумова, меня начала отталкивать. Я наблюдала за ним со стороны, и почему-то не видела в нём ничего, кроме огромного желания оказаться на чужом месте. В крес-

ле, если не моего отца, то моего мужа. Без любого вмешательства со стороны.

А мне хотелось, чтобы меня просто любили.

Где любовь?

– А ты его любишь? – спросил кто-то.

Я открыла глаза, поняла, что проснулась, а этот вопрос остался в моём сознании в первые секунды пробуждения. И подпортил мне настроение на весь день вперед. Димка спал рядом, я посмотрела на часы, поняла, что ещё достаточно рано, и осторожно выбралась из постели.

За окном шел дождь. Я спустилась на первый этаж, остановилась перед большим окном, глядя на деревья в саду. Мокрые, будто нахохлившиеся

Папа всегда просыпался рано. И иногда, когда я вставала с постели в одно время с ним, мы не по одному часу могли сидеть на кухне, пить какао, под звук тараторившего телевизора, и болтать обо всем на свете.

Как же мне не хватает папы... С его авторитарным мнением и благими намерениями. Никогда не пойму, как ему удавалось совмещать в себе столь разные черты. Но он был самым лучшим отцом, без сомнения.

Не смотря на то, что умудрился скрыть от меня.

Я окончательно определилась со своим отношением к истории моего рождения. Поняла, что не правильно судить чьи-то поступки или решения. В конце концов, это не моя история, а история моих родителей. Их отношения, их разо-

чарования, их потери. Я, хоть и росла без матери, и это весьма печально, но моё детство было замечательным. И благодарить за это я могу только отца.

Поэтому и злиться на него у меня не получается.

В гостиной на барной стойке лежал телефон Димки. Наверняка, оставил он его по случайности, обычно никогда без присмотра не оставлял. Да и сегодня я бы на него внимания не обратила, если бы он не зазвонил. Я некоторое время смотрела на светящийся экран, затем кинула взгляд на часы. Начало восьмого. Для звонков посторонних людей было рановато. Поэтому я приблизилась, чтобы увидеть, кто звонит.

На экране значилось короткое «Жена». И от этого слова у меня в первый момент замерло сердце, от острого чувства вины, а затем я машинально протянула руку за телефоном. Приняла вызов, поднесла его к уху, но молчала.

– Дима, – позвали в телефоне. – Дима, как хорошо, что ты ответил. Нам нужно поговорить!

Я хотела сбросить звонок. Правда, хотела. Сказать мне, точно, было нечего. Я была мерзавкой, разлучницей, предательницей семейных ценностей, пусть и чужих. И сама себя презирала. Каждый раз, как Дмитрий Алексеевич отходил от меня на приличное расстояние, и я начинала соображать, а не заботиться только о своих интересах, чтобы не чувствовать себя одинокой, то начинала себя презирать. Гадкое чувство.

Пока всё это крутилось у меня в голове, прошло несколько

секунд, я продолжала держать трубку у своего уха, а Оксана тоже замолчала, а потом вдруг спросила:

– Марьяна, это вы?

Я чуть телефон из рук не выронила от ужаса того, что меня поймали.

– Извините, – вырвалось у меня. – Мне не нужно было отвечать на звонок.

В трубке ненадолго повисло молчание, после чего Оксана сказала:

– Хотя вы взяли. Дима уже несколько дней со мной не общается.

– Совсем? – переспросила я.

– Совсем. Он у вас, да? – задала она вопрос, который, наверняка, дался ей с превеликим трудом.

Я сделала глубокий вдох, пыталась придумать, что ей сказать. Но так ничего и не придумала.

– Я передам ему, чтобы он вам позвонил, – ляпнула я.

А Оксана торопливо проговорила:

– Не кладите трубку, пожалуйста. Марьяна... – Она тоже подбирала слова. – Марьяна, мне нужно с вами поговорить.

О чём мы с ней будем говорить, я тут же догадалась. Закрыла глаза, чтобы принять решение. И оно нашлось как-то подозрительно быстро.

– Да, давайте встретимся. Сегодня. Завтра я планирую уехать.

– Хорошо. Я обязательно буду.

Договорившись о месте встречи, я выключила телефон, замерла в сомнении, затем зашла в список вызовов, и стерла информацию об этом звонке. А сама всё думала о тоне, в котором Оксана со мной разговаривала. Она едва ли не умоляла меня о встрече.

Думаю, если бы мне по номеру мужа ответила его любовница, я бы не была столь благосклонна, и, точно, ни о чем бы ту не просила. Я бы требовала. Исчезнуть с лица земли.

– Ты какая-то задумчивая, – сказал мне за завтраком Абакумов. – Что-то случилось?

– Погода не радует, – отозвалась я.

Дмитрий Алексеевич с аппетитом ел, затем поинтересовался с легким ехидством:

– А где наша гостья?

– Думаю, что ещё спит.

– Конечно, что не спать? Работать не надо. Я правильно понял, от трудоустройства она отказалась?

– Завтра мы едем в Ржев, Дима. Какой смысл в работе?

– Конечно, – усмехнулся он. – Смысл, вообще, исчез.

Я наблюдала за ним. Позвала в какой-то момент:

– Дима.

Абакумов поднял на меня глаза.

– Что?

– А ты дома был?

– Дома? – Было заметно, что он подбирает правильные ответы. – Нет, конечно. Мы же всё решили.

Вообще-то, мы ничего не решали. Не помню такого. А, во-вторых, есть ещё один интересный вопрос.

– Ты каждый вечер приезжаешь в новом костюме и в белоснежной рубашке, – напомнила я. – Я думала...

– Марьяна, я же тебе обещал, что всё решу. А одежда у меня на корпоративной квартире рядом с офисом есть. – Димка смотрел на меня таким взглядом в этот момент, словно, сообщал мне какую-то радостную новость, что должна была всё объяснить и меня успокоить.

– Ясно, – проговорила я.

Я отвернулась, сделала вид, что слушаю новости.

– Какие у тебя планы на день? – поинтересовался Дмитрий Алексеевич, а, не глядя на него, легко отмахнулась.

– Да так, пара встреч.

Лиля спустилась вниз только после отъезда Дмитрия Алексеевича. То ли намеренно ждала его ухода, то ли всё само собой сложилось лучшим образом. И тоже спросила меня о планах на день.

– Мне нужно уехать, – сказала я. – А после подумаем.

Лиля свернула блинчик трубочкой, макнула его в вазочку с вареньем, и окинула столовую быстрым взглядом. Я, вообще, заметила за ней привычку беспрестанно оглядываться, будто она всё время ждала, что её откуда-то попросят, объяснят, что ей здесь не место.

– А можно мне в бассейне поплавать? – задала она вопрос, и уставилась на меня огромными глазами.

Я, если честно, в первый момент растерялась, но затем согласно кивнула.

– Конечно. Спроси у Шуры, где можно взять купальник. Они были в одной из комнат для гостей.

Лиля даже на стуле подпрыгнула.

– Круто.

А я не стала разделять её детские восторги, и из-за стола поднялась.

– Развлекайся, – сказала я ей. – Мне нужно по делам.

– И что у нас за дела? – поинтересовался Пал Палыч, когда я села на заднее сидение автомобиля.

Мне почему-то не хотелось рассказывать. Поэтому я просто сказала:

– Нужно встретиться с одним человеком. Ресторан «Локки». Помнишь? Мы там с Кариной Миловой день рождения праздновали.

– Помню.

Если честно, я здорово волновалась перед встречей с Оксаной. Нужно быть очень циничным и хладнокровным человеком, для того, чтобы не испытывать никаких эмоций перед встречей с женой человека, с которым встречаешься. Я испытывала весь спектр, внутри целый ураган из мыслей. Я никак не могла придумать, что мне сказать ей в первый момент. Как на Оксану посмотреть, как поздороваться. Что я, вообще, могу ей сказать? Извиниться?

Здорово прозвучит:

– Простите, что я сплю с вашим мужем.

– Марьяна, пойди с тобой?

Я на Пал Палыча посмотрела, затем выглянула из окна, посмотрела на двойные двери входа в ресторан.

– Нет, не нужно. – Я сделала глубокий вдох. – Думаю, что я недолго.

Рыков ко мне обернулся, присмотрелся с претензией.

– У тебя точно всё в порядке? – спросил он.

Я поспешила кивнуть.

– Да, конечно. – Решительно взялась за ручку двери. И снова пообещала: – Я недолго.

Было время ланча, и зал ресторана был наполнен людьми. Встречи, переговоры, кто-то зашел запоздало позавтракать. Я остановилась в дверях, огляделась. Мне было бы куда легче, если бы я приехала первой. Успела бы, так сказать, занять боевую позицию. Но Оксана уже ждала меня. Я почему-то подумала, что она начала собираться на встречу в ту самую минуту, как отключила телефон после нашего с ней разговора. Вот и приехала первой, ждала меня, и нервничала, судя по всему, куда сильнее, чем я.

Я прошла к столику в углу, за которым она сидела, пила чай. Я подошла, Оксана подняла на меня глаза, и тут же поднялась мне навстречу. Зачем – не знаю.

Мы встречались всего два или три раза, на каких-то офисных корпоративах или празднествах. В первый раз Абакумов сам нас познакомил, это было ещё до того, как у нас

с ним возникли какие-то отношения. Мы просто были знакомы. И он познакомил меня со своей супругой. А потом...

Потом я всячески избегала наших с Оксаной встреч. Чтобы не чувствовать себя по-особенному виноватой, чтобы избежать откровенного стыда. Но каждый раз при нашей встрече, я ловила себя на мысли, что Оксана – женщина с очень милой внешностью. Её нельзя было назвать красавицей, нельзя было назвать серой мышкой, про таких, как Оксана и говорили – милая. Миниатюрная, с приятным личиком, в её внешности не было абсолютно ничего вызывающего или запоминающегося. Она и одевалась неприметно. Не скромно, и не сдержанно, без особой элегантности. Её одежда была достаточно дорогой, но какой-то неприметной. И, наверное, поэтому они с Дмитрием Алексеевичем, даже стоя рука об руку, не воспринимались, как пара. Ни супружеская, ни влюблённая. Оксана откровенно терялась рядом с самолюбивым мужем, который тяготел к модным костюмам определенных брендов, белоснежным рубашкам и дорогущим часам, которые сверкали на его запястье и привлекали к себе внимание, куда сильнее, чем его жена.

Зато его жена родила ему детей.

– Здравствуйте, – поздоровалась я, посчитав, что должна сделать это первой.

Оксана будто выдохнула.

– Здравствуйте, Марьяна. Спасибо вам, что пришли.

– Вы хотели поговорить.

Она кивнула, а я отодвинула для себя стул. Тут же подскочил официант, но я заказала для себя только стакан воды с лимоном. Вряд ли смогла бы выпить даже чай в данной ситуации.

Мы сидели друг напротив друга, встречались взглядами и молчали. Потому что не знали, что сказать.

Оксана заговорила первой.

– Дима ушёл из дома. Да?

Я моргнула.

– Вы меня спрашиваете?

Она вздохнула.

– Он просто перестал появляться. Я звонила ему... На мобильный, в офис... Он не хочет со мной разговаривать. Его секретарша отговаривается тем, что он очень занят.

– Глупость какая, – со всей откровенностью заявила я.

– Марьяна, он ведь... у вас живет?

Вот как было ответить на этот вопрос? Я осторожно втянула в себя воздух, тянула с ответом.

– Оксана, я не знала, что он просто молча ушёл из семьи. Такого не должно было произойти.

Она криво улыбнулась.

– В этом весь Дима. Он... не любит конфликты, не любит разговоры, тем более, по душам. Ему легче просто уйти.

– Уйти? От жены и двоих детей?

Она лишь неловко развела руками. А сама всё на меня посматривала, будто оценивающе, но в то же время несмело.

– Я чувствовала... что у него кто-то появился, уже давно. Поговорить с ним пыталась, но это бесполезно. А потом... я поняла, что это вы. Что в вас он влюбился.

Я отпила из бокала с минералкой.

– По-моему, нет никакой разницы, в кого именно он влюбился. – Я прямо взглянула на Оксану и спросила: – Что вы хотите от меня? Чтобы я попросила прощения?

Она мой взгляд не выдержала, и глаза опустила.

– Нет. Для чего мне ваши извинения?

– Тогда что?

Она молчала, водила ладонью по гладкой столешнице, но, скорее всего, даже не замечала этого. Думала.

– Я хотела вас попросить... Марьяна, я знаю, что это очень глупо, и, наверное, жалко, но я хотела вас попросить, оставить моего мужа мне.

Признаться, я ожидала чего угодно. Требований, обвинений, криков и истерик, из-за этого даже пожалела по пути сюда, что предложила встречу в ресторане, чужие глаза при таком повороте событий совершенно ни к чему. А, оказывается, меня решили попросить.

Я не удержалась и переспросила:

– Что?

Оксана, наконец, посмотрела на меня. Со всей серьёзностью.

– Марьяна, я не знаю, что за отношения связывают вас и моего мужа, наверное... наверное, вы влюблены в него.

Дима – очень обаятельный и привлекательный мужчина. . . . – Оксана замолкла на секунду, затем неловко улыбнулась. – Глупо прозвучало. Но ведь это так. Он образованный, успешный, в него любая влюбится.

– Оксана, он вам изменил, – не удержалась я от замечания. – А вы его нахваливаете?

– Нет, конечно, нет, – спохватилась она. – Как я могу это оправдать? Но... всё же понимаю. Мы с Димой... никогда не были идеальной парой. Его мама так и не смогла меня принять. Даже после рождения внуков. Всегда говорила, что мы не пара. А мне, знаете, казалось, что у нас любовь. Мы вместе учились в институте. Он на год меня старше, и я влюбилась в него сразу, как увидела.

– А он в вас? – спросила я.

Мы смотрели друг другу в глаза.

– Нет, конечно, – спокойно ответила Оксана. – А я просто его любила. Четыре года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.